К 26
129

Н. МАРР

ЧУВАШИ-ЯФЕТИДЫ НА ВОЛГЕ

ЧУВАШСКОЕ ГОСУДАР. ИЗДАТЕЛЬСТВО
Чебоксары — 1926

ИЗДАНИЕ

ЧУВАШСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО МУЗЕЯ

— И —

ОБЩЕСТВА ИЗУЧЕНИЯ МЕСТНОГО КРАЯ.

Н. МАРР

К 26 01/12

ЧУВАШИ-ЯФЕТИДЫ НА ВОЛГЕ

ЧУВАШСКОЕ ГОСУДАРСТВЕН. ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЧЕБОКСАРЫ—1926

Типография
«ЧУВАШСКАЯ КНИГА»
г. Чебоксары, Б.-Совет., 6.

10819 V
27.VI.1929.

Чувашлит № 234. Напечат. 3000 экз.

Чуваши-яфетиды на Волге[1]).

„В формации местного славянина, конкретного русского, как впрочем, по всем видимостям, и финнов, действительное до-историческое население должно учитываться не как источник влияния, а творческая материальная сила формирования“[2]).

I.

Почти ровно пять лет тому назад, в Академии Истории Материальной Культуры был прочитан мною доклад „Третий этнический элемент в созидании Средиземноморской культуры“. Это был момент, когда я собирался по командировке от советской власти к западно-европейским яфетидам, баскам, небольшому народу в 600 или 800 тысяч душ для изучения его живого языка на месте, в пределах смежных Франции и Испании у Пиренейских гор. Баскский язык мне тогда еще до отъезда наметился, как один из языков яфетической семьи, впервые мною определенной по относящимся к ней коренным языкам Кавказа. Тогда же вплотную подходил я к признанию яфетическим другого европейского языка, этрусского, уже мертвого, языка предшествовавшего латинскому на Апенинском полуострове, языка, известного теперь лишь по оставленным этрусским народом надписям, малопонятным. Это был момент, когда в результате 30-летней посильной для меня и немногих моих учеников работы над культурой и речью, мертвой и живой, Кавказа, равно Сирии, Палестины и Месопотамии, мы приходили к убеждению, что народы вновь определявшейся яфетической семьи и в Сре-

[1]) Доклад, читанный 30-го июня 1925 г. в Чебоксарах на об'единенном заседании IV Сессии Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов Автономной Чувашско-Советской Социалистической Республики V-го созыва с участием членов Общества изучения местного края, членов Р. К. П. (б.) и членов профсоюзов и повторно 26-го сент. в Российской Академии Истории Материальной Культуры.

[2]) Н. Марр, Приволжские и соседящие с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий (ИАН, 1925), стр. 696.

диземноморской Европе предшествовали индоевропейцам, что яфетическая речь на берегах Средиземноморья и островах раздавалась раньше, чем индоевропейская, и из нее, уже значительно культурной, черпали впоследствии появившиеся здесь индоевропейцы богатства своей речи, потому так пышно богат древнейший язык европейцев ,греческий, и потому так универсально выразителен древнейший общий язык той же Европы, языческой и затем римско-христианской, латинский. Эти языки, хотя теперь одинаково мертвые, оба—молодые сравнительно с предшествовавшими им яфетическими языками, до их появления в Европе занимавшими нераздельно все Средиземноморье. В баскском, равно этрусском, я искал сокзников или свидетелей этой научной моей мысли. В ней нас поддерживали и памятники материальной культуры Средиземноморья, обнаруженные величайшими культурными предприятиями наиболее просвещенных европейских народов XIX в., именно археологическими раскопками. Само собою понятно, что эта научная мысль, это частью гипотетическое, но в основной своей части проработанное на вовсе не изучавшихся раньше просвещенной Европою языках „дикого" Кавказа или на изучавшихся с совершенно иной, обратной, точки зрения, научное построение повлекло за собою пересмотр взаимоотношений языков вообще, наметилась, а в некоторых частях обосновалась, определенная система возникновения и развития человеческой речи, постепенность размножения тогда казалось из одного языка, и последовательность усовершенствования форм, самих типов речи, словом наметились в значительной степени иные взаимоотношения языков Африки (северной), Европы и Азии, т. е. всей Афревразии, и я с моими последователями оказались в полном расхождении с европейским ученым миром, со всей господствующей школой учения об языке, лингвистики.

В этом расхождении я находился однако давно, с первых же шагов научной работы над неизучавшимися раньше вовсе, или с тем же углублением, или в том же масштабе, языками Кавказа и соседящих с Кавказом стран, с 1886 г., когда я впервые наметил, еще студентом, родство коренных языков, в первую голову грузинского, с семитическими. Это расхождение закрепилось, когда та же мысль, проношенная и проработанная в течение 20 лет с лишним, получила пер-

вую, казалось, окончательную свою формулировку в труде моем „Основные таблицы к грамматике древне-грузинского языка с предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитическими". Это было уже в 1908 году. По наивности я предполагал, что с появлением таблиц, раз'яснявших основы раньше совершенно не понимавшейся природы грузинского глагола, вообще строя грузинской речи, ученый мир сразу увидит ценность учения, сравнительной яфетическо-семитической грамматики, без которой не постичь бы сложного механизма грузинского спряжения. Ученый мир вовсе, однако, не знал грузинского языка и не думал им интересоваться, и эффект получился обратный, никакого внимания, точно на свет появился мертворожденный.

Впрочем, этот период новой теории, в значительной мере обоснованной на изучении литературных языков Кавказа, грузинского и армянского, в значительной же мере сохранял характер и привкус филологической дисциплины. За это время в науке робко, но все таки вводился, закреплялся, хотя и в кругу немногих специалистов, термин „яфетический", возникший впервые потому, что дело началось с выявления родства грузинского языка с семитическими, и группа языков с относившимся к ней грузинским была названа по имени Ноева сына Яфета—яфетической из-за родства ее с семитической семьею, т. к. по родству с семитической еще одна группа языков Африки называлась именем другого Ноева сына—хамитической, и свободным термином для указания родственного отношения новой семьи с семитической оставалось имя среднего брата Яфета.

С тех пор шло углубление учения об яфетических языках по линии сравнительной грамматики вплоть до октябрьской революции. До начала европейской войны круг сравнивавшихся языков расширялся включением живых бесписьменных языков Кавказа; война съузила и вскоре прервала живую работу на Кавказе, направленную на изучение северных бесписьменных горских его языков. В 1916 году был открыт один яфетический язык, живой бесписьменный, вершикский, на южном склоне Памира, в сторону, значит, Индии. Перед войной и за войну все в линии той же сравнительной грамматики теория была развита далее привлечением в исследование древнейших письменных яфетических

языков, клинообразных, эламского из Ирана (Персии) времени Ахеменидов за VI—V в.в. до н. э., халдского из языческой Армении на Ванском озере IX—VII в. до н. э., шумерского языка богатой литературы в Месопотамии с V тысячелетия до н. э.

Прочитанный в 1920 г. доклад „Третий этнический элемент в созидании Средиземноморской культуры", хотя и с проблесками и предвосхищением некоторых моментов последующего развития теории, был составлен все таки со старыми приемами сравнительного метода. Ознакомление с баскским языком в первую поездку к ним вскрыло более широкое значение яфетических племен и языков, с захватом всего западного мира, романского и германского. Ко мне примкнул-было известный лингвист старой школы проф. Браун, прочитавший в Лейпцигском Университете, в этой твердыне старой школы науки об языке, индоевропейской, вступительную лекцию о происхождении германских языков путем скрещения с яфетическими, с обоснованием на положениях яфетической теории. Яфетическая теория, мало кому известная и никому из катедральных лингвистов неизвестная, из кавказоведной науки обращалась по своим основным заданиям, по проблемам, в общеевропейскую, с углублением языковедных изысканий по северной Африке и Передней Азии. Дело потребовало коллективной работы различных специалистов. При Академии Наук учрежден был специально для такой работы Яфетический Институт[1]).

Яфетическая теория вступила в третий период своего развития с такой быстротой, особенно после второй моей поездки в Западную Европу к маленькому баскскому народу, что еще в немецком переводе „Третьего этнического элемента в созидании средиземноморской культуры", появившемся в свет в Лейпциге в 1923 году, я вынужден был оговориться, что работа, напечатанная по-русски там же, тремя годами раньше, устарела[2]). С тех пор, однако, много воды утекло, но и притекло много нового. В Москве и Ленинграде в среде частью сочувствующих тем или иным

---

[1]) См. ЯС, I, стр. V—XV.

[2]) Der japhetitische Kaukasus und das dritte ethnische Element im Bildungsprozess der mittelländischen Kultur, Leipzig 1923.

нашим мыслям, частью самих учеников наших, началась непосредственная работа над яфетическими языками в смысле необходимого выявления материалов мало изученных из них. Основан был Комитет по изучению языков и этнических культур Северного Кавказа в Москве, ныне Кавказский Комитет, образовался кружок северно-кавказской молодежи в Ленинграде, наметивший новый путь тех же работ в сотрудничестве привлекаемых к ним объектов исследования.

Между тем, в 1924 году вскрылось, что индоевропейские языки вовсе не представляют языков особой расы, это первоначально те же яфетические, из которых они выработались в особый новый тип в результате коренной экономическо-общественной перестройки, связанной с открытием металлов и особенно с широким введением их в хозяйственную жизнь[1]). Все языки того же очерченного района Африки, Азии и целиком арийской Европы, т. е. и хамитические, и семитические, и индоевропейские, оказались членами одной и той же семьи с яфетическими языками, но лишь различных ступеней развития человеческой речи. Яфетические языки оказались древнейшими, при том из них дошедшие в живом виде до наших дней в общем оказались носителями ярких переживаний различных эпох. Открылась материальная перспектива на состояния языков, типы до-исторических различных языков, вплоть до эпох, когда еще не было звуковой речи человечества, и мы получили возможность изучать исторические языки индоевропейские, семитические и другие, подходя к ним от предшествующих эпох, изначальных, и с этим зародилась наука о происхождении и древностях языка, так называемая палеонтология речи, и стали вырабатываться ее особые методы. Вскрылось, что сравнительный метод вообще обманчив, существовавший же сравнительный метод индоевропеистов оказался учением лишь формальным, упустившим, что человечество меняло формы, самые типы языка, меняло с ними не только значения слов, но и основы распределения значений, и даже их созидания, в связи с изменением системы мышления в зависимости от коренной перестройки хозяйственной и общественной жизни.

---

[1]) ДАН, 1924, стр. 6—7.

Так, напр., 'небо', 'земля' и 'преисподняя' первоначально носили одно и то же название. 'Небо' и части его 'светила', 'солнце', 'луна', 'звезды', равно окружение 'небо'—'облака', даже 'птицы', носили одно и то же название, так что слово 'птица' и каждое название особого вида птицы оказались разновидностями слов, означающих 'небо' или 'небеса', впоследствии 'небесенок'[1]). 'Небо' воспринималось и как 'твердь' и как 'вода', воспринималось оно как протяжение и во времени и в пространстве, так что 'небо' и 'вода', 'небо' и 'год', 'пространство' и 'время' оказались также одинаково означающими 'небо'.[2]) Мышление до-исторического человека было не отвлеченное, не научное, не логическое, а конкретное, поэтическое, образное, с родством слов-символов, как выразителей образов. Когда хотели сказать 'круг', 'свод', 'арку', 'шар' они говорили 'небо'[3]). С другой стороны 'небо' и 'гору', также 'голову' обозначали одним и тем же словом. 'Небо' же служило названием племенного божества, т. н. тотема потому чув. слово Tur-ə↔Tor-ə 'бог', значившее первично 'небо', означало и 'гору', отсюда в усеченной форме tu 'гора'.

Как 'небо' и его части, так 'тело' и его части назывались одним и тем же словом, и т. к. у каждого первобытного племени, собственно первичной хозяйственной группировки, был свой тотем, свой 'бог', свое 'небо' по названию своего объединения, то по названию своего же объединения у каждой первичной хозяйственной группировки, скажем —„первобытного племени" было свое слово для 'человека', для 'тела, и для его частей, и в одном и том же племени первоначально и 'небо' и 'человек', 'тело' ('душа' тогда не имела особого названия, точнее не было аналитического восприятия особо души и особо тела) назывались одним и тем же словом; чтобы различать одни и те же слова-символы различных представлений, люди пользовались указанием руки, т. к. раньше люди говорили линейной речью—жестами, руками; когда же человечество стало говорить звуковой речью, племена были скрещенные, и тогда в каждом племенном образо-

[1]) N. Marr, Die Entstehung der Sprache в журнале Unter dem Banner des Marxismus, 1926.

[2]) Н. Марр (груз. журн. Мнатоб-и, № 5, 1924) стр. 231—237.

[3]) См. отчасти Н. Марр, Quelques termes d'architecture désignant 'voûte' ou 'arc' (ЯС, II, стр. 137—167).

вании пользовались различными первобытно-племенными словами и различным произношением одних и тех же первобытно-племенных слов, чтобы иметь возможность свободно говорить звуковой речью. На звуковую речь человечество перешло, оно создало свою звуковую речь после того, как создало искусственное орудие производства, после того как руку оно заменило искусственно приспособленным орудием для того или иного вида производства, так что 'рука' лежит в основе всех первичных слов. Если 'небо' играет громадную роль с известной эпохи, именно с эпохи возникновения мирового, космического мышления, и соответственных религиозных представлений, когда 'небо' есть 'бог', когда с одной стороны 'небо' значит и 'знамение', 'имя', а с другой первично, 'рука' есть 'знак', 'указание', 'знамение', 'рука'—'сила', 'мощь' 'рука'—'право', 'рука'—'бог', то 'рука' спорит с 'небом-богом' несомненно 'рука' берет верх над ним—'небом', как более древний образ, более древнее представление, как древнейшее, я бы сказал, первое слово звуковой речи. Термин 'рука', 'творец' он же глагол: отдельных отвлеченных глагольных понятий не было, ни, конечно, неопределенного наклонения, ни вообще глагола. Действие или состояние выражалось в самой фразе тем или иным именем, его образным восприятием, напр., для 'делания' нужен был образ 'руки', для 'брания' или 'дачи' —одинаково тот же образ 'руки', для 'бытия' тот же образ 'руки', для указания—тот же образ 'руки' и т. д., и т. д. Нет глагола, который не происходил бы прямо или посредственно от образа, для нас понятия, 'рука', т. е. нет глагола-действия, который не происходил бы от слова 'рука', орудия действия. В то же время нет глагола-состояния, которое не происходило бы от того же слова 'рука', т. к. первобытный человек не представлял абсолютного, отвлеченного бытия или состояния, не представлял его без отношения к человеку, собственно к племени, т. к. представления о чем бы то ни было, даже об индивиде-человеке еще не было вне обладания или вне принадлежности ему, т. е. племени, потому 'быть' выражалось тем же словом, что 'иметь', 'владеть', т. е. словом, выражающим орудие держания, владения, следовательно, опять таки 'рукой', точнее 'руками'. И нужно ли говорить, что от 'руки' получилась возможность в великой сложившейся в одну общественность семье производить

числительные и 'один' и 'два', и 'пять', и 'десять', и промежуточные числа. И как совершенно не случайно, что баск. bur-u и чув. puş←→poş по закону чувашского соответствия свист. или шипящего ş, s, ш плавному l, r одинаково означают 'голову', как совершенно не случайно, что 'нести', происходящий от 'руки', и 'быть', 'иметь', происходящий от 'руки', имеют одинаково основу por, в чув. por 'существует', и во-французском por+t-er 'нести', т. к. французы это слово получили, разумеется, не от чувашей, а от западно-европейских яфетидов, басков-иберов, находившихся в до-исторические эпохи в ближайшем родстве по языку с чувашами. так же не случайно, что чув. por 'иметь-быть', происходящий от 'руки', чув. par-ăs 'давать', происходящее от 'руки' имеют одни и те же коренные согласные p и r, что же касается огласовки, то это говорит лишь о различном племенном произношении, т. к. чувашский народ не первобытное племя, а еще до-историческое образование из скрещения различных первобытных племен. Первобытное племя не представляло себе и отвлеченного неплеменного языка, отвлеченного внеплеменного говорения: 'говорить' представлялось и означало как действие племенное, способность того или иного племени, тогда только яфетического, 'ионить', если говорил яфетид ион или ионянин, 'иберить', если говорил яфетид ибер, и т. д. Когда в чувашском имеем səmaq 'слово', 'речь' и т. п., то это форма от основы səma-, пережитка племенного названия шумер или сумар, откуда происходит и национальное племенное название ҫəvaш, и səmaq, səmaq-la 'говорить', первоначально означало 'шумерить' или 'чувашить', т. е. говорить племенным языком шумеров и т. п.

Ясное дело такое палеонтологическое углубление в изучение языка обнаружило и несостоятельность формального сравнительного метода, т. е. основного метода индоевропейской лингвистики, и яфетическое языкознание, вступив в третий период своего развития, стало разрабатывать и уточнять методы палеонтологии речи и конкретно отдельных языков в связи с историею общественности и ее базы—материальной культуры. Яфетическое языкознание с самого начала было связано с изучением материальной культуры исторической и бытовой, т. е. с исторической археологиею и этнологиею, но, раскрыв настежь двери неожиданно для себя в

до-историю человеческой речи и, следовательно, и мышления, в обладании конкретными языковыми материалами, отложениями эволюции культур различных эпох и различных стран, оно вплотную подошло к истории развития общественности, как фактора языкового творчества, и также неожиданно и без подготовки для себя оказалось утверждающим положения учения об историческом материализме, т. е. в методе скрестилось с марксистским учением. В то же время яфетическое языкознание, осознавая связь речи как продукции общества с другими культурными ценностями, также продукциями общества, все более и более стало осуществлять свое давнишнее положение об изучении языка в связи с изучением общественности, следовательно, с изучением истории материальной культуры, быта, общественного мировоззрения, права, начиная с первобытного права. Учуяв невольно источник уразумения смысла вещей не в нашей мудрости, а в полноте материалов и исчерпывающей экстенсивности охвата, оно как и раньше, но более упорно, стало выдвигать в первую очередь изучение всякого живого языка, и быта, и верования, и права, независимо от исторического значения и письменной культуры, т. е. стало выдвигать необходимость и важность изучения в первую голову языков и культур бесписьменных или без-древнеписьменных народов, и на такой стадии развития год тому назад, не будет и года, яфетическое языкознание напало на родство чувашского языка с яфетическими языками, на принадлежность чувашского языка к яфетическим, и теперь определяется, уже наметилось ясно, место чувашского языка среди яфетических.

Каково же это место?

Для этого я должен бы изложить всю классификацию яфетических языков и очертить их взаимоотношения не только формально-сравнительные, но палеонтологические по состоянию их принадлежности различным эпохам развития человеческой речи. Самое краткое изложение этого вопроса нас заняло бы еще столько, сколько я уже прочитал, а это ведь все лишь одно вступление, и мы до чувашского народа и его языка так бы и не дошли своевременно. Я, конечно могу дать определение места чувашского языка среди яфетических в степени их разработки, и его сейчас и дам, но

как всегда в таких случаях с риском, что самая точная в стадии изученности чувашского языка формулировка этого определения не представит ничего осязуемого или конкретного для непосвященных в классификацию яфетических языков и ее научные основы, разве в части иллюстрации примерами, и, конечно, оно скажет еще меньше тем, кто и желания не имеет быть в нее посвященным по соображениям конфессиональных (классово-научных) убеждений, и тем не менее утверждаю, что: 1) чувашский язык принадлежит сибилянтной ветви, именно шипящей ее группе, окающей, осложнением огласовки и аканием, т. е. к той группе, к которой принадлежат яфетические языки при-черноморские: из живых мегрельский и лазский, из мертвых, по всем видимостям, скифский и шумерский (~-кимерский); 2) чувашский язык имеет поразительные встречи, общие слои, с языком свистящей группы, к которой принадлежат из живых грузинский, из мертвых, по всей видимости, сарматский или что то же по составу, салский-харский, он же италский, в средние века хазарский; 3) чувашский сильно осложнен спирантизациею, обращением свистящих и шипящих согласных в придыхательные при огласовке е (ĕ), т. е. в общем отмечен характерными признаками особой экающей группы.

Конкретно, в общем чувашский язык с одной стороны по коренному слою своей целиком яфетической природы становится в один тесный круг с языками баскским в Европе и с армянским в Армении, собственно с его до-исторической яфетической основой.

С другой стороны, особо от родства чувашского языка со всеми яфетическими языками по его изначальному положению и особо же от более тесного потому же родства с определенным кругом из них, приходится в первую голову обсудить исключительные точки соприкосновения чувашского с тем или другим из яфетических языков по позднейшей, по всей видимости, встрече и скрещению с ним, так прежде всего с грузинским.

Так достаточно прослушать список настолько близко созвучных чувашских и грузинских слов [1]), как—

1. чув. SIV-ĕ 'холодный'; груз. ϑIV-I 'холодный'

---

[1]) Н Марр. Отчет о поездке к восточно-европейским яфетидам (I Прил. к прот. II засед. ОИФ, 1925), стр. 20.

2. чув. tıv-eS ‘дотрагиваться’, ‘достигать’; груз. tıʳvˀa ‘достиг’, ‘настиг’

3. чув. ʂıy-es ‘есть’, ‘кушать’; груз. шı-
чув. ʂı-mĕʂ ‘пища’, ‘еда’.

Эта чувашская основа имеет не один закономерный свой эквивалент шı в грузинском, но-mes и -mé в чувашском функциональные части; ‘кушать’, ‘есть’ по-чув. выражается собственно основой ʂı , и вот в грузинском эта чистая основа, чувашская, используется в виде шı в глаголе m-шı-a ‘я хочу есть’, ‘я голоден’, g-шı-a ‘ты хочешь есть’, ‘ты голоден’ и т. п. Однако, такой односложный вид основы шı- в грузинском—пережиточное состояние, сохранившееся в глаголе со специальным значением ‘голодать’, ‘хотеть есть’, в значении же ‘есть’ у грузин глагол ṭam- , у мегрелов и чанов — ṭkom- , с вобранным в основу функциональным губным m в качестве коренного, так что в шп. группе как бы трехсогласный корень ṭkm , в точности соответствующий сем. tɛ̣m ‘есть’, ‘кушать’, тогда как в чувашском именно в значении ‘кушать’, ‘есть’ лишь слог ʂı (←шkı~шkо), т. е. чувашский представляет этап состояния яфетических языков до выделения семитической семьи, предшествующей зарождению трехсогласия, и то же наблюдаем мы у грузин, но лишь пережиточно в слове ‘голодать’. Несомненно, сюда же относится как арм. ṫam-el ‘жевать’, так чув. ʑəm+la- ‘жевать’.

4. Чув. ʑır ‘боль’, ‘болезнь’; груз. ṭır ‘болезнь’.

Однако, ṭır ‘болезнь’, ‘страдание’ налично и в арм. языке в разновидности спирантной ветви—kır (kır-q ‘страсти’), и вот в груз. ṭır употребляется в значении ‘необходимости’, ‘нужности’, отсюда г. Sa-ṭır-o ‘необходимый’, m-ṭır+ı-a ‘мне он нужен’, но и чув. использует с тем же значением это слово в разновидности kır : (kır-lĕ) ‘необходимый’.

С этим возникает, уже возник, вопрос какой-то особой исключительной связи чувашского языка, языка шипящей группы по своей массовой природе, с грузинским языком, языком свистящей группы, как результата особой позднейшей встречи и скрещения, произошел ли этот акт если не в до-исторические, то все таки в архаичные поры на северном Кавказе в процессе естественного непосредственного общения чувашского с сарматским, также языком свистящей породы, или позднее на самом Кавказе, в процессе классово-

дружинных внедрений хазарского племени. Иногда эти чувашские элементы выслеживаются в живой диалектической речи грузинского, так, напр., рядом с древне-литературным, да и современным ȣremi для понятия 'слеза' грузинский располагает словом kur-ȣqal , уже разобранным [1]), и, как было выяснено, означающим буквально 'глаза вода': вторая часть ȣqal←ṫkal 'вода', коренное грузинское слово, как и двухсогласно ḏal, на нисшей ступени zal← sal, эквивалент слова шипящей группы шur(←jur), в арм. ḏur 'вода', и в волжском яфетическом районе, с перебросом до северного предела, у зырян в значении 'воды' обращается этот шur↔шor, в чувашском шur в значении 'топкого места', а в значении 'воды' с утратой исходного плавного—шu, с раздвоением u в ыv—шыv. Что же касается первой части слова kur-ȣqal, то kur 'глаз' совершенно не ладит с груз. ȣual 'глаз', но находит свое оправдание в основе kur — глагола из живой грузинской народной речи — kur-eb-a 'смотрéть', и затем та же основа kur и дезаспированно, как ее видим в составном kur-ȣqal, kur в значении 'глаза' до сих пор имела поддержку в баскском i-kuṣ-i 'видеть', основа которого kuṣ, следовательно, должна бы означать 'глаз', и вот в чувашском и находим и этот kuṣ в значении 'глаза', откуда в нем же kuṣшu или kuṣшəv 'слеза', букв. 'глаза вода' и его двойник kur, как основу глагола kur-as 'видеть'. Может показаться, что в грузинском kur в значении 'глаза' в составе kur-ȣqal 'слеза' ← 'вода глаза' изолированное в грузинском явление, результат местного стороннего влияния, а связываемое с ним kur-eb-a 'смотреть', означающее и 'слушать', может мол найти и иное объяснение. Было бы, однако, желательно услышать это иное объяснение без палеонтологии речи! А пока что укажем и на другие связи у kur 'глаз' в грузинской речи, так 1) с сванским раздвоением u в wi это имя дает основу kvir грузинского глагола со значением 'устремляю взор', 'наблюдаю' v-a-kvir-d-eb-i 'вперяю глаз', 'удивляюсь' mi-kvir-s; 2) с палатализациею kur→kvir соответственно представлен разновидностями ṭur → ṭvir, из которых ṭvir у грузин значит 'прозрачный' (← 'видный на-

---

[1]) Н. МАРР, Заметки по яфетическим клинописям (ИАИМК, III стр. 288—293).

сквозь'), а ṭur, основа грузинского глагола ṭur-et-a 'смотреть', излюбленного у поэта Шоты из Рустава, происходящего из Месхии, т. е. племени басков или болов, т. е. болгар.

Но едва ли это представит для вас что либо осязуемо конкретное.

Потому я обращаю ваше внимание на одно положение яфетического языкознания, это то, что различные семьи языков, семитическая, индоевропейская, урало-алтайская, т. е. турецко-монголо-угро-финская в языковом отношении не представляют расово различных образований, это семьи хозяйственно-общественно народившихся языковых типов, возникавших в процессе сложения и развития общественного хозяйства и связанного с ним схождения, скрещения различных племенных языков. Яфетические языки в числе их и чувашский, представляют по типу переживание до-исторического состояния человеческой речи, следовательно, до-исторических яфетических языков, из которых в различные эпохи и в различных странах вылупились семьи и хамитическая, и семитическая, и индоевропейская и, как теперь мы получаем возможность утверждать, также угро-финская и монголо-турецкая, к которым нам перебрасывает мост чувашский язык. Было бы мало, если бы мы могли сказать только то, что чувашский язык не примитив. Это можно бы утверждать и a priori, т. к. примитивных языков в мире не существует. Но у нас есть путь для выяснения, какие примитивные социальные группы отложились в племенном составе, руководясь с одной стороны племенным названием и названиями богов, также племенными названиями, поскольку они тотемного происхождения, а затем и соответственными сложными особенностями самой чувашской речи вообще. По названию «чуваши»—шумеры. И мы увидим, что чувашская речь сохранила культовый термин, название шумерского тотемного бога, по норме палеонтологии речи в роли служителя этого бога.

Племенной состав чувашей, конечно, образован не из одних шумеров, но на первом месте стоит тот племенной слой, тотемный бог которого у чувашей служит общим названием вообще бога Tor-ə ↔ Tur-ə, т. е. салское (фе-салское) или талское (и-талское) племя с названием в шип.-окающей форме. Такова и природа, шипяще-окающая, чувашского

языка. Более того, в связи с богом-небом, т. е. небом, названия птиц и всего относящегося к пернатому, в том числе и перьев, носили одно название с небом, и как уже разъясняется в работе об Иштари[1]), именно окающая разновидность ϑor-↔ϑur- означала различные виды птиц, вообще птицу и перья, но в то же время небо являлось гомонимом всех космических явлений, и в частности как мы видели ϑur, бск. e-dur означало 'снег', так, должно быть, обстояло дело и в чувашском, где ныне вместо ϑur—спир. yur 'снег'. Но раз ϑur значило и 'перья' и 'снег', то интерес представляет следующее у Геродота место соблазна для ученых (IV, 7). Описывая Скифию, Геродот замечает: „А о землях, лежащих далее, на север от народов, живущих за их краем (т. е. за собственно скифским краем), они (т. е. скифы) говорят, что нет возможности ни видеть, ни проходить далее из-за рассыпанных там перьев, потому что земля-де и воздух наполнены ими, и они-то, дескать заслоняют вид". Геродот это известие объясняет так: „А что касается до перьев которыми, по словам скифов, воздух наполнен..... я думаю вот что: в странах, лежащих за этой землею, постоянно снег идет, только—как это понятно—летом менее, нежели зимою. А уж всякий, кто поближе видел, знает, что я хочу сказать: снег именно походит на перья, и вследствие такой суровости тамошней зимы северная часть этого материка необитаема. Итак, по моему мнению, перьями скифы с окрестными народами, выражаясь иносказательно, означают 'снег' τὰ ὧν πτερὰ εἰκάζοντας τὴν χιόνα . . .[2])

У первоначального до-исторического населения северо-восточной Европы „снег" назывался перьями не иносказательно, а прямо-таки словарно. К этой мысли подходил 50 лет тому назад Л. Расмузен, который в работе „О двух преданиях у Геродота" после пространного обсуждения вопроса, каким образом могло случиться, что скифы сказали

---

[1]) Прочитанная еще в 1923 г в качестве доклада в ЯИ, повторенная чтением в Баку на собрании Восточного Факультета, она входит в состав статей, предназначенных для напечатания в ЯС, IV.

[2]) ЖМНП, 1876, Отд. класс. филол. стр. 52 сл., где приводится мнение Ширна, сопоставлявшего то же известие с обычаем обсыпания поля перьями до засева. Обычай черемис, чувашей и секлеров в Трансильвании. Расмузен, знакомящий с литературой вопроса до своего времени, сам против „гипотезы Ширна".

перья, когда речь была о снеге, заключает (стр. 63): „Во всяком случае было в языке скифов (или какого-нибудь другого северного народа) слово, которое допускало перевод: 1) 'перья', 2) 'снег' известного свойства, напр., 'густой снег', и в переданном Геродоту известии это слово было переведено, в данной связи, неправильно".

Бесспорно чувашский язык родственен с турецким. Это близкое родство теперь поддерживается и общностью племенного названия турок (анализ этого термина вполне в этом убеждает) и названием основного божества чувашей tur-ə. Мы теперь уже не можем отмахиваться от созвучия терминов tur ~ tuш и terek, как явления бесспорного закономерного родства. Мы не можем отмахиваться не только потому, что в них наблюдается закономерное звуковое созвучие, но и потому, что ətuш и даже ətuш-k, в произношении греков и римлян tus-k, действительно служили, наравне с ətur-q' ом, племенным названием народов различного порядка, одни из которых на Кавказе были 'коренные' (bun ətuq), 'местные', другие, следовательно, заведомо 'пришлые'. Более того, когда в описании за-скифских северных стран у Геродота, народ именно чувашского района, называется Τυσσαγέται (ср. Τυραγέται), то правильно отмечали, что мы имеем дело с племенным названием, в составе которого налично название чувашей, tuş- или tuz; это однако не 'чуваш', а второе название чувашей, оно же название чувашского бога (Tor-ə ↔ Tur-ə[1]).

Но родство с турками исходит из того, что чувашский язык—один единственно сохранившийся из той тесной связанной группы яфетических языков, из которой сложились впоследствии турецкие языки. Чувашский язык теперь дает возможность разъяснить древности турецкой языковой семьи, используя через свое посредство все богатство родственных с ним, одинаково с ним до-исторических, яфетических языков. Турецкие языки, с момента их возникновения исторические, также не в силах служить источником для разъяснения подлинных древностей ни своих, ни тем более чувашских, как нельзя возникновение реки разъяснить условиями местоположения устья, или хотя бы среднего ее течения, а

[1]) Ср. М. П. Петров, О происхождении чуваш, стр. 54—55.

не по месту нахождения источников и вообще верховьев, образующих данную реку притоков, речек и ручьев. Таково же отношение индоевропейских, также исторических языков, к яфетическим, до-историческим, из которых они вышли. Таково, в частности, положение дела с русским. Он также образовался в конечном результате на той территории, где он впервые выступает исторически: он также образовывался из до-исторического населения Европы, повсеместно яфетического, из которого никак нельзя исключить чувашский, где бы процесс оформления русской речи ни происходил—на западе, на юге или на востоке, в частности в Восточной Европе. В Восточной Европе во всяком случае русский язык получил завершение своей формовки, в среде древнейшего также яфетического населения, от которого в настоящее время в наиболее чистом виде сохранился один чувашский язык, и можно себе представить, какое огромное значение должен получить чувашский язык для изучения действительных древностей русского языка, и вообще его происхождения, хотя бы с нашей точки зрения.

На вопросе о значении чувашского языка для изучения русского языка и вообще русской племенной культуры, для толкования названий до-исторических населенных пунктов, рек и т. п., т. е. так называемой топонимики, на роли чувашей, вообще классово-племенных образований Приволжья с их средневековой исторической культурой, я остановлю ваше внимание, подходя к этой ограниченной теме, в том числе к вопросу о болгарах, с точки зрения данных яфетического языкознания. Вместе с этим отпадает в нашем докладе речь, почти всякая, о значении чувашского для вопросов о мировых средиземноморских и западно-европейских культурах, до-исторической и исторической, равно обхожу молчанием значение чувашского языка и для глубоких теоретическо-научных вопросов о происхождении вообще человеческой речи и т. п.

Достаточно, если удастся наметить лишь основные моменты значения чувашского языка в связи с одним положением яфетической теории, положением о возникновении исторических языков, турецких и индоевропейских, из яфетических.

II.

Если легенда об основании на юге Киева, внесенная в русскую летопись, повесть о трех братьях Кые, Щеке и Хориве, оказалась, едва ли кто теперь может оспаривать это, —еще яфетическим народным преданием—скифским, или, как теперь уточняется анализ, — кимерским [1]), преданием, существовавшим на юге и на Руси и в Армении, то утверждаю, что в той же и большей мере чувашские и сродные яфетические материалы разъясняют имена трех братьев сказания о призвании варягов: Рюрика, Трувора и Синеуса, как имена тотемных божеств до-исторических народов Новгорода и Волжско-Камского района, в то же время племенные названия Рюрик—«Рус», Трувор—«Сармат» и Синеус, казалось бы просто «ион», но это скрещенный термин «ионо-рус», кстати сказать, последнее имя Sin+e-us 'ион-рус' в части просто ионской у чувашей отложился в роли тотемно возникшего племенного названия человека—ʂьn, а скрещенно в названии земледельческого бога, ныне названии праздника земледелия по-чувашски Siŋ⌜e⌝ze(—*Siŋ-res-e). Прямо суздало-волжско-камским племенным тотемным божеством шumer' ов -шomar'ов или чувашей является герой русских былин Добрыня, это собственно сибилянтная разновидность чувашского слова yoməʐ, первично *yomor, как русское слово «дуб», «дубняк» (сюда же черем. tum 'дуб') по основе есть такая же разновидность чув. yuman↔yoman 'дуб'. Независимо совершенно от наших лингвистических изысканий по до-истории Восточной Европы, вот что пишет нам, интересуясь тем же вопросом как русский историк, проф. В. А. Пархоменко, абсолютно не ведавший высказанных впервые здесь наших взглядов о Синеусе и Добрыне[2]): после Бориса и Глеба [добавляю от себя—совершенно легендарных личностей] в течение восьмидесяти

[1]) Хотя скифы с кимерами различные племенные образования, в истории известные как взаимоборствующие силы, все таки речь идет о племенах одинаково яфетической семьи. Результат формального подхода, отожествление Киева со скифом, приходится заменить выводом палеонтологического анализа термина Киев, с возведением обеих его частей, и второй, к племенным названиям, именно отожествлением с кимером. Существа дела это не изменяет, поскольку остается все то же переживание до-исторического вклада еще более древнего, очевидно, через скифов в Киевской Руси.

[2]) В. А. Пархоменко. У истоков русской государственности (Ленингр. 1924), стр. 103.

лет мы не видим на Ростово-Муромо-Суздальской территории ни одного князя из Киевской династии. Мы имеем отрывочные летописные сведения, лишь вскользь затрагивающие жизнь этой земли за это время. Во-первых, мы имеем неясное летописное предание про пребывание на ближайшей к этой территории земле на Белоозере князя Синеуса, вставленного в известное предание о призвании варягов. Как показали изыскания А. А. Шахматова [1]), „это—имя местного князя неизвестной точно эпохи, во всяком случае ранней, о котором долго помнило местное предание. Позже мы встречаем также летописные указания, как будто на местных князей и во всяком случае на происходящую здесь политическую борьбу. Так прежде всего знаменитый полу-легендарный Добрыня, причтенный к сонму героев Владимирова эпоса, имел, по всей видимости, при-окское происхождение и во всяком случае летописью связывается с борьбой против волжско-камских «серебряных болгар» и т. д.

Таким образом, с процессом поглощения империалистической политикой русского государственно-национального строительства приволжско-камских яфетических племен шел процесс врастания народных яфетических богов и преданий, родных северу, его до-историческому населению, в том числе в первую голову чувашам, в цикл героев эпоса Владимира и уже чисто русских былинных сказаний, и теперь по окончании этого исторического процесса громадной силы, почти сведшего на нет все первичное яфетическое население восточной Европы (ведь устояли и остались в сравнительной чистоте одни чуваши), естественно, ученые также захвачены мощью этого процесса и трудно им освободиться от позднейше наросшего значения индоевропейцев русских, равно финнов и татар и не проглядеть до-историческую роль яфетидов, в числе их и чувашей, в эволюции культуры в Восточной Европе и в частности трудно им осознать чувашский вклад в русское строительство, русский эпос и русскую речь.

Но народы, поглотившие почти бесследно яфетические национально-государственные образования, не успели также бесследно поглотить их этнически. И вот теперь при условиях

---

[1]) Шахматов, Разыскания, стр. 87—92, 173, 377 (по проф. Пархоменко).

новой общественности новая языковедная теория нам дает средства заставить эти империалистически торжествовавшие народы выбросить из пасти все те слова, которые были ими усвоены, как в процессе их до-исторического сложения, так в процессе их исторического роста от поглощавшихся ими и государственно-национально, и этнически яфетических и ведших с ними общую политику самозащиты полу-яфетических приволжских народностей.

В этом процессе возникновения индоевропейских и урало-алтайских языков из яфетических и дальнейшей формовки их в линии определившегося уклона того или иного основного типа, и окончательного сложения в частности русского и финского языков, чувашский, как яфетический язык, не мог в те отдаленные эпохи не действовать. Он был одним из основных источников в этом окончательном построении русского языка. В настоящее время по тому же вопросу чувашский является единственным основным источником за исчезновением других яфетических языков того же территориального окружения или за затемнением их облика чертами другого языкового образования, нового типа, финского; речь о таких некогда с чувашским исключительно яфетически сродных соседящих с ним своеобразных языках, как мордовский, черемисский, вотский и примыкающие к ним зырянский, вогульский и остяцкий. Помимо этой явно до-исторической роли чувашского языка в созидании русской речи, непрерывное за многие века существование в непосредственном соседстве в одном и том же волжском бассейне нас настораживает к восприятию чувашского речевого вклада в русский язык в части уже терминов исторической культуры. Об этом во второй части доклада.

В этом отношении чувашский вклад в русскую речь чрезвычайно и значителен и поучителен.

Я остановлюсь на одном примере. Кстати, это дает повод ознакомить вас с одною из существенных страничек учения о древностях языка, в частности о развитии значений, без чего пример оказался бы непонятным.

Новое учение, яфетическое, о древностях языка, как было сказано, установило, что глаголов в начале не было как самостоятельной части речи. Каждое имя становилось глаголом лишь во фразе, т. е. все глаголы человеческой

речи произведены от имен существительных, равно не различавшихся с ними прилагательных и т. п. Если 'зуб' и 'кусать' на каком либо языке одного и того же корня, то не 'зуб' происходит от глагола 'кусать' а глагол 'кусать' от имени 'зуб', как глагол 'видеть', мы уже показали, от имени 'глаз'. В кругу самих имен выяснилось, что имя 'путь' возникло от 'направления', для выражения чего первобытное человечество пользовалось словом 'рука'. Вообще образ 'руки' или, как мы теперь сказали бы, понятие 'рука' есть основной источник многих десятков, многих сотен разнообразных значений, их как бы первоисточник. Одно обычное производное понятие от 'руки' из числа отвлеченных—'сила', т. е. 'сила' первично значит 'рука'. От слова 'рука' происходит, между прочим, и глагол 'дать', также 'протягивать', затем 'обещать', равно 'взять'. Потому, когда мы с одной стороны в русском имеем глагол 'сулить', 'обещать', равно 'посулы', 'взятка' или 'дача', то и то и другое слово происходит от имени sol↔sul, первоначально означавшего 'рука'. Чувашский язык сохранил яркий след существования в нем самом слова sol↔sul со значением 'рука', оно налицо в основе чув. слова sola↔sula 'браслет', 'запястье', первично означающего 'наручник'; он налицо в основе чув. слова sŏlağay = sulağay 'левый', собственно без прибавки слова al-ə, означающего 'рука левая' и т. п.

Когда с другой стороны в русском же имеем 'посылать', 'послать', 'посол', то и основа этого глагола sol↔sul в первоисточнике также восходит в конце концов к представлению 'рука', но ближайшим образом она происходит от слова sul со значением 'дорога', и, когда с этим именно значением в чувашском налицо имя şul 'путь', а мы имеем возможность не только доказать восхождение его к тому же слову с первичным значением 'рука' в яфетических языках, но и установить, что оно же, как мы видели, находилось и с этим значением наравне с значением 'путь' и в чувашском, как родное неотделимое от его природы достояние, то иного выхода нет, как признать, что бесспорно коренные русские слова и 'посылать', 'посол' и 'сулить', 'посулы' представляют лишь русское оформление чувашских

итолько чувашских слов. Поскольку в яфетических языках шипящей группы по палеонтологии речи слово 'мощь', 'сила' также от 'руки', а в чувашском языке, как языке шипящей группы с оканием, губной гласный ее огласовки (o—u) исторически перерождался в ı, то, значит, чувашское слово «сил-а» чисто, без какого бы то ни было оформления, усвоено русской речью, которая и сохранила природное именно первичное чувашское слово, тогда как ныне у чувашей в значении 'руки' спирантизованные разновидности то с родным оканием-ḳul 'рука от плеча до кисти', то даже с аканием—al-ə.

У нас сомнение лишь одно, унаследовали ли русские все эти слова одинаково от эпохи до-исторического их возникновения или 'посулы', 'взятка' есть позднейшее заимствование в порядке усвоения русской культурной речью терминов более раннего национально-государственного строительства чувашей? Ведь дело не в одном таком слове, как «сулить», «посулы», и не в одной тройке таких подлинно чувашских по происхождению слов, как «сулить», «посылать» и «сила».

Конечно, мы вовсе не думаем ограничивать яфетических переживаний в русском, resp. вообще в славянских языках, вкладом одного чувашского, но прочие яфетические языки до-исторических эпох до нас в этом районе не дошли и в степени архаизма чувашского языка. С другой стороны, мы не можем не опознать в русском сейчас и чувашизмов архаичного вида, которые в наличном состоянии своей родной речи чуваши могут произносить иногда неузнаваемо, так, напр., русск. «истукан» 'идол', как теперь выяснено, представляет с префиксом ı— скрещенную основу stu-kan или основу stu с суффиксом kan(→gan), значит, ионским племенным словом, которое, считать ли его независимым элементом скрещения или служебной частицей, имеется и в другом тотемном названии божества, ныне у чувашей 'кукла'—po-gaṇ[1]). Первая же часть или основа stu с потерею исходного плавного r, как в po-(→bo вм. bor←por, ср. шu 'вода' вм. шur и т. п.), представляет архетип ṭur, с раздвоением аффриката ɯtur,resp.stur[2]),

---

[1]) См. Н. МАРР, Из переживаний до-исторического населения Европы в русской речи и топонимике (Чебоксары 1925), стр. 5—6.

[2]) Не является ли мегрельская фамилия Stur-ua теофорной.

что в позднейшей дезаспированной разновидности и предлежит в основе чув. tur-ə↔tor-ə‘бог‘. Дело в том, что в целом tor-ə || tur-ə пережиток именно tor-ğan‘a—tor-qan‘a (точнее —*tor-ğun·a), хорошо известного в качестве социального термина (от ионского племенного придатка сохранился лишь звук ə), т. е. если отвлечься от префикса, то в русск. I-stu-kan, собственно в его яфетическом архетипе* I-ɯtur-kan, мы имеем древний вид чув. tor-ə ‘бог‘, причем префикс отнюдь не чужд некоторым словам чувашского языка, в частности, префикс ı-, отличающий по виду русскую передачу, у яфетидов чередовался с другими равнозначущими префиксами a-||o-, так ı-ɯtar, A-ster-ı-a, ı-ɔar||O-ɔar, почему чувашский язык и проявляет a-, как в названии Волги—I-tıl || чув. A-təl (ср. груз. A-tal-a). Это дает основание восстановить таким образом рядом с l-stu⌜r⌝kan его двойник *A-star-qan, благодаря чему выходим на тот путь, который уже открыт изучением яфетических языков Кавказа, чтобы, во-первых, установить неразрывную связь яфетидов Кавказа, даже армян, с яфетидами Приволжья, общностью терминов топонимики, не исключая Астрахани (ср. др.-р. «Асторохань») ,resp. Аджи-Тархана, и языческого пантеона, не исключая армянского, ныне кажется, лишь христианского a-stu⌜v⌝at ‘бог· || A-s-pat(-vat↗-pat это разновидность берского племенного названия var↗par), и во-вторых, увидеть, во-очию, как русская речь своими доисторическими переживаниями, переживаниями яфетическими, часто общими с чувашским, есть нечто глубоко вросшее и в территорию русского района и в населяющие ее разнородные массы.

С эканием, иногда разделяемым из кавказских яфетических языков с грузинским, выступают в русском такие коренные слова, как раз‘ясненные уже яфетидологически:

жен-а
ден+ь } ионские
сен-и

рѣ-ка
рѣч-ка вм. реч-ка
рѣч-ь вм. реч-ь
лѣс (лѣший)

} этрусские

пере-д
пер-в-ый
пѣ-на←per-
бѣ-г ←ber-g
Бе-же-цк (←Ber-je[r]n[]-sk, см. ниже)
вер-х
вел-и-кий, величина, великан, весь
смер-ть
смер-дь
смер-ды
сумер-ки
смѣ-л-ый←smer-
мѣ-ся-ц (←*mer-sen-ȯ)

} шумерские или иберские

сел-о
сер┼е-бро (←*ṣer+e-bor)
цѣ-лы-й вм. цел-ый или *ȯer-лый
чел-о
дер┼е-во ↙ *der-e-vos
дер┼г-ать
дер┼ж-ать
дер┼з-кий
тѣ-н-ь←ter (ср. груз. ȯer-o)

} салские

С эканием преобладающий слой по унаследованности от до-исторических насельников края представляют элементы с оканием (о→u), не менее коренные русские, так то также разъясненные в своем яфетическом происхождении племенные слова:

конь
гони, гнать
тонуть
Дон

} ионские

[1]) Морфологически ср. выше «смѣ-лый».

ро-к
ро-г
рожь
род
рос-т
лоша-дь
рос || рус: русь, русский, Руса
рус+ал-ка
рус-ло
руч-ей
ру-ка
луч
лу-на
} этрусские

бор ‘лес‘ (ср. vo←vor в «дерево»)
мор
мор-да
бур-я, бушевать
мура-вей
Мур-ом
} шумерские или иберские

гор+ь-кий
зол+о-то (Skolot)
сол—н-це || сол-ныш-ко
} салские или сколотские

Конечно, русский язык отнюдь не чужд и завещанного от до-истории акания, или тем более «злато || золото», если даже не относить сюда современного диалектического акания и окания. Достаточно вспомнить длинный ряд таких яфетических переживаний, как «зар-я», «скал-а», «ярь» (yar-e) и др.

Но окание и экание настолько сплелись друг с другом, что никак нельзя устранить мысль о совместной завещанности их от скрещенного уже в до-индоевропейском состоянии двуприродного языка вроде сванского спирантно-шипящего или, что тоже, экающе-окающего. В русском, как в индоевропейском, т. е. позднейшем по моменту своего возникновения, с эпохи уже исторической, это скрещение должно быть, естественно, глубже и шире, сильнее проявлено.

От всего этого лишь усиливается реальность мысли, что скрещенность норм окания в русском не славянское или русское новообразование, а наследственное от его до-истории

явление, что оно унаследовано им в основе от определенного яфетического языка, т. е. до-исторического языка, вошедшего мощным творческим слоем в русскую речь в процессе ее окончательного формирования. Но какого? Едва ли находящегося ныне и с давних, еще с до-исторических эпох на Кавказе сванского языка, имеющего этот именно двуприродный экающе-окающий или спирантно-шипящий характер. Мы могли бы остановить свой выбор на скифском, который, будучи по всем признакам в основе яфетическим языком шипящей группы, следовательно, окающим (об этом красноречиво говорит уже одно национальное название—„сколот"), мог вмещать в себе элементы и спирантной группы с эканием, как наблюдается это в нынешних представителях шипящей группы яфетических языков на Кавказе, мегрельском (на восточном побережье Черного моря) и особенно чанском или лазском (на южном побережье того же моря, ближе к Батуму). Как ни реальна перспектива органической связи вообще современных славян со скифами, от которых происходит самый термин „славянин" или „склав", как ни неизбежен в частности путь эволюции вразвитии русского этно-культурного типа, идущий от скифов, начинающий в последнее время манить историков и археологов, не одних, следовательно, лингвистов, мы не можем не считаться с тем, что между скифами-яфетидами, даже историческими, уже, допустим, начинавшимися индоевропеизоваться (по торопливому заключению ученых уже поголовно иранцами) скифами и сложением индоевропейцев - русских громадное зияние и времен и пространства. Если мы вынуждены отказаться от мысли, что какое-либо племя явилось откуда-то с готовым уже вполне сложившимся русским языком в пределы известности русской речи за исторические эпохи, то нет основания и для того, чтобы русскую, специально великорускую речь производить из района скифской оседлости, т. е. с северного побережья Черного моря и ближайших к нему подступов. С другой стороны скрещенную природу шипяще-спирантную и соответственно окание с эканием проявляют такие казавшиеся раньше вовсе изолированными языки, как языки Армении, особенно древнелитературный язык Армении, и баскский язык, оба проявляющие в определенных своих слоях поразительную близость с чуващским языком, также остающимся

по сей день в общем изолированным, несмотря на бесспорные точки соприкосновения с финскими и совершенно яркое родство с турецкими языками. И чувашский язык, в результате яфетидологического анализа, действительно обнаруживает скрещенную природу шипящей со спирантной и в связи с этим—экания с оканием. О том, что чувашскому по природе присуще окание, это знает каждый интересующийся чувашским, независимо от яфетидологии. Это знает и ученый лингвист, знакомый с установленными нормами грамматики этого языка сравнительно с турецким, и ученый и неученый знаток чувашского языка, как родного, в его жизненном разнообразии, в его двух систематических диалектических колебаниях окания—между открытым губным гласным „о“ и закрытой его разновидностью „u“.

Но чувашский язык одновременно проявляет и экание, именно экание спирантной группы в таких бесспорно коренных своих словах, как:

ş̆ĕr ‘земля‘,	q̆ĕn ‘страдание‘, ‘боль‘
ş̆ĕr ‘ночь‘	q̆ĕr ‘дочь‘
ş̆ĕn-ĕ ‘новый‘	kĕ̆ber ‘мост‘

и многие десятки, если не сотни других.

Заметим, кстати, что все эти слова наличны в армянском и баскском языках, ближайше родственных с чувашским и по общему окающе-экающему или шипяще-спирантному облику, равно в других ближе примыкающих к ним яфетических языках, и оттуда по усвоению и в иных, всегда и везде как вклад экающего языка в соответственном их слое.

Так, имея в виду палеонтологическое положение о ношении ‘землею‘ общего названия с ‘небом‘ и с ‘преисподней’, собственно то положение, что первобытный человек слово ‘небо‘ использовал трояко, в применении к трем плоскостям: 1) ‘верхнего *неба*’, т. е. нашего ‘неба‘, 2) ‘нижнего *неба*‘, неба нашей плоскости, т. е. земли; 3) нижнего под нами *неба*‘, т. е. ‘преисподней, космически ‘моря‘, а с другой стороны ‘круг‘, ‘арка‘, ‘свод‘ обозначались тем же словом ‘небо‘, будет, думаю, ясна исконная, именно первобытная близость поименованных яфетических языков с чувашским, раз чув. ş̆ĕr ‘земля‘ в баскском значит ‘небо‘ в форме мн. ч. на u: баскск. ser-u, букв., следовательно, ‘небеса‘, в армянском тоже слово значит

'круг' с подъемом s в ṫ —ṫir, собственно *ṫer, отсюда и грузинское со свойственной ему перестановкой ṫre 'круг'.

Не думайте, однако, что у вас в чувашском от значения 'неба' и следа не осталось. Наоборот, выяснено, что первые и главные боги сложившихся пантеонов на первых уже ступенях культурной жизни у всех народов 'небеса', 'небо', и вот спирантная разновидность слова ş̌er←şer, именно er-(←+her) в форме яфетического множ. числа на ne—er-ne значила 'божество', если не пара божеств, точно братья-боги,— 'божества', которым были посвящены определенные дни недели (меньшему четверг, старшему пятница), оно же было название главного дня недели, и по такому названию главного дня erne у чувашей сейчас и именуется вообще 'неделя'. Любопытно, что это именно слово у армян в полной форме по огласовке er+an-ı (√er-d̂an-ı-k) используется как прилагательное, характеризующее состояние 'божества' в представлении уже не одного первобытного человека—'блаженный', 'хороший' и т. п. И совершенно также, как в яфетических языках, напр., в грузинском 'блаженный', в частности в армянском этот же двойник нашего чувашского слова erne, т. е. eranı 'блаженный' используется в значении 'о,если бы', так и чув. erne, напр., в фразе sabla tuzan erne-ḏ̌ĕ(«ҫҫĕ») te 'о если бы так сделали, хорошо было бы', буквально' 'так сделав, было бы божественно', т. е. 'блаженно', 'хорошо', 'без сомнения хорошо', и т. п., т. е. все те значения, которые таким путем получило у чувашей слово erne, в эпохи глубокого язычества, когда и помину не было по близости ни о христианстве, ни о мусульманстве, да и тогда, когда вовсе ни их, ни еврейской моисеевой религии вовсе не было, это erne собственно его чистая основа er, первично, *her, resp. yer, впоследствии и с оформлением означало 'небо', 'небо-божество' не только в форме мн. ч. на ne—erne, но и в форме множ. числа на q̇, имеющее широкое распространение на Кавказе, в частности у сванов (q̇), равно у армян (q) и на Пиренеях у басков (q, resp. k), т. е. в форме er-┼-ə-q̇, до сих пор сохранившийся у чувашей, в так называемых отсталых слоях народа, как мощный, страшный бог, замещающий keremeʒ'a.

Чув. ş̌ĕr ‘ночь‘ сохранилось с этим же значением у армян в основе gı-шer ‘ночь‘ (gı есть префикс) и у примыкающих своей окающей речью мегрелов и лазов в форме ser, здесь в значении и ‘ночи‘, и частью ‘вечера‘, отсюда у грузин ser-ob-a ‘вечеря‘ в церковной терминологии др.-лит. языка в смысле ‘тайной вечери‘, а так вообще ‘вечерней трапезы‘, армяне же это слово чув. s,ĕr, мегр., чан. и груз. ser, арм. шer с эканием также употребляют в значении ‘вечера‘, но спирантизовано в виде┼her →er в составе [┼er┼e-ak⇝] er┼e-ko ‘вечернее время‘.

Интересно в связи с ş̌ĕr ‘ночь‘ разъяснить одно название птицы, у самих чувашей понимаемое в значении то ‘стрижа‘, то чаще ‚воробья‘ [1]), для других это ‘летучая мышь‘, между тем это слово значит действительно лишь ‘летучую мышь‘, т. к. это составное слово, построенное так, как того требует одно из восприятий этой птицы яфетидами, именно ночная птица‘ (груз. meğamura): в нашем чувашском слове ser-ẓıy — ş̌ĕr значит ‘ночь‘ и по чувашски, а ş̌ıy точный пережиток яфетического sır, по-грузински означающего ‘птичку‘, в частности ‘воробья‘, отсюда все слово ‘ночная птичка‘, или ‘ночной воробей‘, т. е. ‘летучая мышь‘ или лишь с забвением наличия слова со значением ‘ночь‘, просто ‘воробей‘, как то понимают многие чуваши.

Остановлюсь еще на чув. ‘дочь‘. Не раз разъяснялось и раньше, что у яфетидов слово ur, в архетипе *ɾur, resp. hur во первых, означало ‘женщину‘, как окающая разновидность и соответственно то же самое должны означать в яфетических языках разновидности акающая ⌜h⌝al и экающая her и это так и обстоит, и чув. q̌ĕr ‘девушка‘ именно из экающей группы спирантной ветви яфетических языков, со значением вообще ‘женщина‘.

Во-вторых, по положению о пучковости значений ‘женщина┼вода┼рука‘ тоже ur в чувашском означало первично ‘руку‘ и сохранилось в значении послелога ‘через‘ в послелоге ur-lə. То же самое мы наблюдаем в чувашском со словом q̌ĕr ‘девушка‘, первично оно также означало не только ‘жен-

[1]) В этом смысле его находим мы в словаре у Ашмарина, Сборник чувашских пословиц (Шубашкар 1924), § 14: Alərı şerẓıye q̌ədărzan, q̌ırden tıdaz ẓug vara ‘Выпустив воробья из рук, потом с поля не поймаешь‘.

щину', но и 'руку', и вот мы имеем засвидетельствованным в послелоге q̇ĕr-lĕ, образованном, как ur-lə от слова со значением 'рука', и означающем подобно ему 'через', хотя и с оттенком 'через'→'вокруг' (*через* голову' и т. п.).

О распространении именно q̇ĕr в значении 'руки' в длинном ряде яфетических языков (сванском—q̇er, грузинском q̇el || qel), а из яфетических и в индоевропейских, в числе их в греческом—χειρ (← q̇er-ı) 'рука', так много печатано, что останавливаться не буду.

Не надо, однако, думать, что чувашский язык весь сплетен из одних окающих и экающих элементов. Чувашскому языку, как индоевропейскому русскому, отнюдь не чуждо акание, т. е. огласовка "а". Притом в чувашском акание не одного порядка. Одно акание природное, свойственное чувашскому как языку шипящей группы, в которой, так в кавказских представителях этой же шипящей группы, мегрельском, лазском, акание налично рядом с оканием, но это такое акание, которому в свистящей группе, так в грузинском, соответствует «е», таково чувашское акание в местоимениях man-ăn 'мой', san-ăn 'твой', совершенно вторящее аканию шипящей группы в мегрельском ma(←man) в 1-м лице 'я', skan во 2-м лице (основа притяжательного местоимения skan-ı 'твой'), тогда как свистящей группе в таких случаях свойственно экание, так в грузинском me(←men) 'я', ше←шеп 'ты', разница здесь лишь в том, что чувашскай охватил в себе и это особое специфически грузинское экание, собственно экание свистящей группы яфетических языков, и его мы имеем у чувашей в тех же местоименных элементах для 1-го лица e-bĕ 'я', для 2-го e-zĕ 'ты' и т. п.

И вот чувашскому также не только не чуждо вообще акание, но рядом с природным для него, как языка шипящей группы, аканием в определенных случаях ему отнюдь не чуждо акание другого порядка, именно акание свистящей группы, основной для грузинского языка, потому у чувашского значительный слой лексического материала, общий именно с грузинским языком, как отчасти мы замечаем в яфетидологически разъясненных уже элементах, такие же разительные встречи для русского языка с грузинским.

Эта многоприродность, сложная скрещенность чувашского языка, свидетельствуемая не в одной области звуковых

явлений, в свою очередь свидетельствует о высокой степени развитости языка. Чувашский язык действительно представляет тип более, чем достаточно, развитой для усвоения широких культурных возможностей. И если даже пока воздержаться от всяких напрашивающихся по различным и другим основаниям догадок о существовании некогда у чувашей письменного языка, все таки приходится заключать, что судя по его развитости, чувашский язык, надо думать, одно время был орудием общения территориально широко раскинутого культурного населения в составе различных племенных образований, он их общее культурное детище, и как таковое, чувашский язык в свое время вобрал много акающих элементов часто в устранение своего основного окающего языкового фонда. И потому иногда получается курьезное положение дела, когда тот или иной из народов, входивших в национальное образование чувашей или общее с чувашами, успело усвоить слово в чувашской форме, окающей, и не разлучно сродниться с ним, а сами чуваши заменили съизначала коренное свое родное слово акающей разновидностью, да еще спирантизованной. Вот пример: 'деревня' по-чувашски обознается салским племенным словом—sal, акающе, да еще спирантизованно — yal, есть и sal-a, но в экзотическом значении обычно в применении к деревням с русским населением, но нет вовсе в чувашском природно ожидавшихся его форм, ни окающей sol, ни даже экающей sel. Однако, обе эти разновидности, более родные для чувашского, существуют: одна из них, окающая, sol сохранилась у черемисов, у которых деревня называется sol-a, а другая, экающая, sel сохранилась у русских, у которых деревня называется, как всем хорошо известно, sel-o. Но вот и окающие, и экающие элементы собственно сплетены были, раньше образования исторических языков, индоевропейских, в числе их и русского, в определенном кругу яфетических языков, именно армянском (собственно в до-индоевропейском его яфетическом-субстрате), баскском и чувашском. И, как, конечно, сомнения не может быть в том, что Волга течет из своих источников в Каспийское море, а не обратно—из Каспийского моря, как оно ни велико, это Каспийское море, к истокам, так указанное сплетение окающего с экающим может итти из до-исторических языков, в русский язык, индоевропейский, следовательно, исто-

рически, но не обратно.

Но при естественно возникающем вопросе, какой же конкретно из перечисленных яфетических языков был непосредственно источником указанной скрещенности, за которой должны следовать и другие особенности, понятно, нет нам смысла бросаться ни на армянский, хотя бы на его яфетический субстрат, ни на баскский язык, как не было бы оправдания цепляться непосредственно за далеких по времени скифов или сколотов и кимеров, игнорируя время, отделяющее их от эпохи русской этногонии. Нет иного нормального выхода как остановить первое и основное свое внимание на непосредственно соседящих и хронологически (но в то же время пережиточно архаичных) и пространственно чувашей.

В то же время зарубим себе на память, что такой сильно скрещенный природный состав чувашской речи бесповоротно устанавливает, что чувашский язык не только развивался на дальнейшем своем жизненном пути, но в самом начале своего возникновения слагался как орудие общения территориально широко раскинутого населения. Это же говорит о разнообразном родственном окружении чувашей из единоплеменных яфетидов. Чуваши и в настоящее время в конце концов не так изолированы в племенном или языковом отношении, как это принято думать. По своей основе чувашский народ роднится со всеми живущими народностями Приволжья, в окружении которых он находится, и финскими и турецкими.

Однако, настоящий доклад свой я строю на материале не отвлеченно теоретически-научного интереса к древностям человеческой речи и в частности чувашского языка, а со вниманием к пределам чувашской земли, чувашской şerĕuav 'земле-воде' (кстати, выражение тождественное с грузинским mia-ikal-i) и чувашскому общественному строительству в древности, основным же предметом изыскания я беру топонимику, т. е. названия населенных пунктов, сел, городов, рек и т. п. И здесь, конечно, мы начинаем с русской ныне территории.

У меня в руках одно из последних, можно бы сказать последнее слово господствующего ныне мировоззрения о первонасельниках одной чрезвычайно интересной части Приволжья. Это работа известного краеведа В. И. Смирнова о

районе со сплошным русским населением, но от этого нисколько не менее пестрым по племенному его составу, о Костромском крае. Работа озаглавлена: „Из вопросов и фактов этнологии Костромского края“[1]).

Положение дела, казалось бы, отчаянное. „Мы знаем“, читаем у В. И. Смирнова[2]), „что край был довольно густо заселен в эпоху неолита, особенно по берегам крупных рек и при озерах, на что указывают часто находимые здесь поделки и обнаруженные в разных местах неолитические стоянки с предметами робенгаузенского типа, но кто были эти первонасельники края, до сих пор, за отсутствием прочных данных до-исторической антропологии, неизвестно. В отношении населения каменно-бронзового периода, к которому относится т. н. фатьяновская культура, обнаруженная у с. Туровского, Галичского у., на р. Юге недалеко от впадения ее в Чухломское озеро и которая, вероятно, встретится и в других местах края, существуют лишь научные гипотезы, взаимно исключающие друг друга. Неясным остается племенной состав населения сравнительно даже позднего курганного времени, хотя краниологический курганный материал собран довольно обширный и измерен не один раз. Курганы Костромского края относят к VIII—XIII ст. Население этого времени было уже смешанное: главную массу населения составлял долихоцефальный тип и среди него численно меньший был вкраплен брахицефальный тип“...

Мы не останавливаемся сейчас на принципиальной стороне вопроса, когда естественно, при более усиленном скрещении позднейших эпох, захватывающем в общем процессе и новые этнические образования, мы считаем результатом предвзятости владеющую большинством исследователей мысль, что первичные племенные образования человеческой общественности представляли простоту состава, вне какого либо скрещения. Когда же А. М. Тальгрен „считает население фатьяновской культуры арийским“, вопрос не в том, что это одна из „научных гипотез, взаимно исключающих друг друга“[3]), а сам термин «арийский», означая в наличном пока восприятии современных ученых нечто пра-арийское,

[1]) Труды Костромского научного общества по изучению местного края, вып. XXXIII (Кострома, 1924), отд. отт., стр. 1-26.

[2]) Ц. с., стр. 1.

[3]) В. Смирнов, ц. с., стр. 1 и прим. 1.

или пра-индоевропейское, есть полнейшая фикция, ибо арийские или, что то же в устах А. М. Тальгрена, индоевропейские народы это—народы исторических эпох, а до историческое их состояние, тем более современное неолиту и даже бронзово-каменному периоду, нас относит мимо не только индоевропейцев, но и финнов, к до-историческим этническим образованиям, яфетидам, но т. к. индоевропейцы выработались в числе прочих, не исключая финнов и турок, из тех же яфетидов, то Тальгрен, может быть имел право в этом смысле утверждать, что те памятники материальной культуры—арийские, т. е составляют продукт творчества и арийцев на до-исторической стадии их развития, до-арийской, т. е. в эпохи существования одних яфетических племен, также отнюдь не простых типов. И особенно с этой скрещенностью надо считаться в области языковых материалов с первого же момента выработки человечеством звуковой речи, возникшей многие тысячелетия позднее линейного или ручного языка, языка жестов и неразрывной с ними мимики. По всем сделанным соображениям, когда мы обращаемся к одному из трех, по определению В. И. Смирнова, источников, после антропологии и истории материальной культуры единственному, именно к топонимике, или, как описательно выражается наш краевед, к лингвистическому анализу хореографической номенклатуры края—к географическим названиям населенных мест, рек, гор и урочищ[1]), то тут мы попадаем в область, сопряженную с гораздо большими опасностями чем те, против которых предупреждает в числе других и В. И. Смирнов, пищущий[2]): „Раскрыть тайну многих народных названий не так легко и едва ли возможно; даже определить иногда, к какому языку принадлежат те или иные названия, трудно. Нужно знать не только языки инородцев, продвигавшихся по здешней территории, нужно знать все местные говоры, уметь восстанавливать теперь испорченные названия, указав скрещения, прибавки, перемещения букв. Несмотря, однако, на все эти затруднения, в настоящее время можно считать выясненными некоторые вопросы до-исторической этнологии края".

Повторяю, преодолеть перечисленные затруднения далеко не достаточно, это в лучшем случае было бы лишь

[1]) Ц. м. [2]) Ц. с., стр. 2.

подготовкой к работе над до-исторической топонимикой, если бы поименованные затруднения действительно были преодолены. Но как торжествовать преодоление их, если наука до сих пор не была вооружена данными по до-историческим языкам, не располагала палеонтологиею речи, вскрывающей необходимость совершенно иного подхода к языковым материалам, хотя бы и топонимическим, до-исторического населения? И какие, собственно, вопросы выяснены по до-исторической этнологии, скажем, Костромского края?

Выясненным считается, повидимому, то, что русским в Костромской губ. предшествовали различные финские племена, точнее определить которые так и не удается. Мы приведем сообщение об этих достигнутых результатах в следующей формулировке самого В. И. Смирнова [1]): „Первый определенно известный нам этнографический слой населения края составляли финские племена; значительное число названий финского корня, рассеянных по всей территории края, служит доказательством когда-то бывшего сплошного инородческого [подразумевай, финского] населения края. Есть целая группа названий прямо указывающих на национальность этого населения: меря, емь, чудь и т. д.".

Но какое отношение к до-истории имеет племенное образование, теперь нам известное под названием финнов. Финский народ как племенное образование, в нашем районе столь же историческое, сколь и русский. Если бы даже принимаемые за финские названия принадлежали тому или иному племени нам известного финского народа, и это ничего не говорило бы о действительно до-историческом населении края, а лишь о нахождении их в нем в исторические эпохи, когда финны с русскими могли препираться как племена одинаково исторических эпох, и в таком случае до-историческая топонимика, не от них исходящая им одинаково может быть родной, поскольку и русские, подобно финнам, наследовали их наравне вообще с языковым материалом, который ими усваивался или в процессе сложения среди них как русской, так финской речи, или в процессе позднейшего скрещения уже сложившихся русской и финской речи,— скрещения с ними же, яфетидами, переживавшими еще в этих краях. Возьмем для примера бесспорно финское слово

[1]) Ц. с., стр. 1—2.

«йоки» ‘река’[1]). От него, от одной из финских его разновидностей финоведы хотят произвести окончание „юг“, „юга“, часто встречающееся в названиях местностей Костромского края[2]), однако, как теперь выясняется, финоведы ошибались, когда для многочисленных разновидностей этого слова, рассеянных теперь в эстонском, лопарском и остяцком, ученые восстанавливали форму yug←yuga. Древнейшая форма из наличных у финнов вовсе не сочиняемая yug(←yuga), а конкретная остяцкая yugan, да и это не первоначальный вид: первоначальный вид—yurgan yurgon.[3]) Теперь мы знаем, что двуплеменное яфетическое слово в составе yur и gan или gon, каждое из которых значит ‘вода’, ‘река’, и составное тогда значит то же самое, следовательно, и его пережиток yug значит то же самое, в то же время надо знать, что yur↔yor опять таки яфетически значит ‘два’, ‘вторую часть’, ‘половину’, как его чув. сибилянтный двойник ŝor↔ŝur’a gon↔gun значит ‘день’, и в целом yurgon значит ‘полдень’. как его двойник чув. ŝur-gon, следовательно, и его пережиток „юг“ уже в русском в значении „юга“, ‘полдневной стороны’ и их употребление, равно корни, имеют распространение и в значении ‘воды’, ‘реки’, ‘родника’ и в значении ‘полудня’, ‘юга’—самое широкое распространение по всему яфетическому миру, за пределами какого бы то ни было присутствия финнов, и на Кавказе, и в Малой Азии, и в западной Европе, и этих слов никак нельзя разлучить, и нет никакого основания окончание костромских рек—«юг» ‘река’ разлучать с русским „юг“’ом, и искать его происхождение в финском, когда оно и у финнов того же до-исторического происхождения, что русское «юг», ‘полдень’, ‘юг’, т. е. одинаково происходят от до-исторического населения яфетидов, в том числе и чувашей. Все это имеет до-исторические корни и соответственное обоснование в яфетических языках и Кавказа и Пиренеев. Финский тут примешан в той же мере, как русский, как и другие индоевропейские языки, в которых пережиточно то же слово

[1]) Эти разновидности у западных финнов звучат: эст. «ыги», лопар «йога (·йокка»), зыр., «уй», а у восточных—черемисов «йога» ‘течет’, ост yega ‘приток’, yogan ‘река’, ‘ручей’.

[2]) Ц. с., стр. 8.

[3]) Н. МАРР, Приволжские и соседящие с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий (ИАН, 1925).

обретается в сибилянтной разновидности и в значении 'источника+воды' и в значении 'юга'.

После этого несколько иначе приходится воспринимать даже осторожно формулированные В. И. Смирновым достижения по топонимике того же края, когда он пишет: „Многие названия Костромского края звучат тождественно с названиями рек и селений северной половины Владимирской и большей части Ярославской губ., где когда-то по свидетельству летописи жила меря. Кто была эта загадочная меря и какая ее дальнейшая судьба—мнения расходятся". Однако, с нашей точки зрения это не расхождение, а очередные перебои то туда, то сюда, научной мысли, загнавшей себя, с до-исторической проблемой на руках, в атмосферу исторической обстановки, как бы колебания маятника между двумя, казалось бы, единственными возможностями. Лет тридцать с лишним тому назад „сходство черепов по Рязанск. губ. с черепами других губерний средней полосы России заставляло думать, что в курганный период какое-то длинноголовое племя заселяло всю среднюю Россию[1])". Еще раньше „проф. А. П. Богданов, основываясь на данных лингвистики, собранных гр. Уваровым, и краниометрическом исследовании, произведенном им самим в губерниях: Московской, Владимирской, Ярославской и др. приходил к заключению, что все означенные губернии вместе с Тверской, Вологодской, Рязанской и Нижегородской представляют местность с мерянским населением большим или меньшим, смотря по степени отдаленности от центров Переяславского и Ростовского озер"[2]). Сводя эти и другие результаты изысканий предшественников по составу населения древне-русской земли в издании Рязанской ученой архивной комиссии, А. Г. Рождественский, на основании новых соображений касательно датировки черепов из Борковского могильника и Зарайского уезда признавал „древнее население Рязанской губернии весьма сходным по своим краниологическим признакам с мерянским народом, когда-то занимавшим почти всю Среднюю Россию", но, нисколько не затрагивая тем самым „более сложного вопроса о древних родичах самого мерянского народа", довольствовался следующей ссылкой на проф. Богданова: „Проф. Богданов, во всей пол-

[1]) А. Г. Рождественский, К вопросу о древнем населении Рязанской губ. (Изд. Ряз. уч. архивн. Ком., Рязань 1893), стр. 17.

[2]) Ц. с., стр. 17.

ноте изучивший курганный период населения России, основываясь на сходстве типа мерянских черепов с скифскими, северянскими и чудскими (Полтавская, Черниговская губ.) и на тождестве вообще многих курганов Новгорода с мерянскими, склонен думать, что тип этих черепов, в антропологическом смысле, не финский, и скорее близок к древне-славянскому"[1]). Но, как мы видели, воз и поныне там, ибо для современного краеведа, мы уже знаем, „кто была эта загадочная меря и какая ее дальнейшая судьба—мнения исследователей расходятся". Впрочем, большинство расходится не в том, что это финское племя, а в том, какое в точности финское племя, но это не удается установить, а главное то, что хотя признание в нем славянского племени ныне окончательно отвергается и термин „меря" настолько же финское слово, насколько русское, если подходить к вопросу как доисторическому, по наследию откуда именно русских, а не себя называют финны финнами. Дело в том, что „финн" и „вен", как финны называют русских,—разновидности одного и того же племенного названия, именно или йонского или берского. Мы с ним. как с названием rus относимся в до-историческое население всей Европы, в частности и Восточной Европы, и, естественно, если с русами или этрусками выплывают в обсуждаемом районе иберы, собственно „беры", т. е. меря, и баски или месхи, т. е. весы, равно, как то вскрывается фактами иными, салы.

Чтобы понять реальность нашего утверждения и конкретный смысл каждого из этих отожествлений, следовало бы остановиться на присутствии всех этих яфетических племенных названий и в Восточной Европе, природных в ней независимо от финнов, также как независимо от турок и также как от индоевропейцев. Но в пределах задач настоящего изложения мы остановимся на одном из них, на боевом термине „меря", занимающем первое место в перечне названий, „прямо указывающих [мол] на национальность [предполагается, финскую] этого населения, т. е. когда-то бывшего сплошного инородческого населения края", Костромского края. Господствующее пока мировоззрение, повторяю, признает, что это финны, но расходится по вопросу, „кто была

[1]) Ц. с., стр. 17.

загадочная меря". Однако, если до-исторические финны-вены вовсе не наши исторические финны, то это же отношение остается применить в вопросе о том „кто была загадочная меря". Мы как будто и ответили на это, введя ее в круг до-исторических яфетических народов, именно, если не отожествив, то сблизив, с iber'ами, или imer'ами, собственно со 2-й частью этих двуплеменных терминов—ber или mer, но это на основании племенной номенклатуры далеких от Приволжья стран.

Сейчас же нам хотелось бы подойти к вопросу на основании материалов прежде всего Приволжского и соседящих районов, и поставить вопрос не „кто это меря", а что это „меря"—поставить вопрос формальный, но и генетический, потому неразрывно связанный с содержанием и подводящий нас вернее к разрешению вопроса "кто такое загадочная меря".

Но для реального этнологического подхода и этого недостаточно. Надо знать, если спорное наименование массово-народное или классовое. В сообщении, сделанном весной текущего года в АИМК на разряде первобытной культуры, в сообщении, обратившемся в доклад, озаглавленный „Из переживаний до-исторического населения Европы, племенных или классовых, в русской речи и топонимике" [1]), уже разъяснена особая организующая роль городов с до-исторических времен и в связи с этим более легкая подвижность их строителей, их особый племенной состав, как класса организатора, независимо от возглавления, были ли они торговое об'единение или военная дружина.

В связи с этим классово-племенным населением организующих городов, находящихся в известном враждебном или договорном отношениях с сельским населением, названия городов имеют иное племенное происхождение. В связи с этим находится, оказывается, разность племенных слов, использованных для обозначения понятий 'город' и 'деревня'. Предупреждаю о важности результатов такого подхода для этнологического вопроса. да и для правильного восприятия внутреннего строя данного национального или государственного образования, но эта разность племенного, классово-пле-

---

1) Издание Чувашиздательства (Чебоксары, 1925 г.).

менного состава населения определенной земли, определенного района не разрушает вовсе цельности хозяйственно-культурного, в дальнейшем государственного, и национального образования. Это было показано в том же докладе на соотношениях 'города' и 'села', или городов и сел Апенинского полуострова, собственно на соотношениях их строителей, классово-племенных образований, именно строителей городов, и-тал'ов, собственно сал'ов или тал'ов, и строителей сел, эт-рус-к'ов или пе-лас-г'ов, собственно руш'ов или лас'ов, впоследствии по забвении различных племенных источников своего происхождения, различной племенной природы, оказавшихся в чисто классовых взаимоотношениях патрициев и плебеев.

Возвращаюсь к иберскому, племенному названию экающей формы в разновидности mer-ya. Мы должны выследить и его классовое использование и в топонимике, и в нарицательных словах, учтя предварительно разновидности mer'a по закономерному перерождению как m (согласно формуле v ‖ m ↗ p → b → φ), так r (согласно формуле r[/l\/s ш] ↘ y →-).

Так экающий вид mer и с подъемом губного m в p—per всплывает в названии города «Пермь» —*Per-me[n] [1]. Сейчас мы не останавливаемся на том, был ли город пограничным, форпостом (против кого?) или центром мерянского сосредоточения. Город с тем же племенным названием (per —ber —bey-бѣ) в основе наименования—Бѣжецк (Be+je-ϑq↙ *Per+sen-sk) уже говорит о крайне западном пункте, на верхнем течении Волги. Формально же пора учесть состав всех этих названий мер-я, Пер-мь, Бѣ-жецк, не довольствуясь одной чистой основой, или тем, что кажется таковой. Пер+мь [←*Per-men] и Бѣ+же-цк, за отводом новейшего суффикса—«цк», Bē-je (←*Ber-jen), последний бесспорно с ионским оформлением, ничем в этом отношении не отличаются от русского термина «мер-я», т. к. рассматривать ли «я» как дериват юса малого, т. е. первично «ен», или как условное начертание слога ya, первично yan, в обоих случаях архетип окончания, будет ли он yen («ен») или yan, представляет все равно ионское племенное название.

[1]) Н. МАРР, Приволжские и соседящие с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий (ИАН, 1925).

Вопрос кардинальный, однако, имеем ли в архетипах мери, Перми и Бѣжецка, т. е. *Mer-yen или *Mer-yan, *Per-men и *Ber-jen действительно берское племенное слово [mer-↙ per-→ber-] с ионским оформлением, или это скрещение двух племенных названий, берского и ионского, причем вторая часть составного термина лишь по истертости времени приняла в устах народа вид окончания. То же самое относится к национальному названию нынешних черемисов «мар-и» ||«мар-а»

Каково бы не было окончательное раз'яснение этого вопроса, факт, не подлежащий оспариванию, что термин русского летописного предания «меря» 'бер-ион' нельзя никак полностью отожествлять с термином «черемис». В последнем вторая часть [-mis || mə́s и т. п.]—берское племенное название в первом—«я» ионское. В отношении merya диктуется повелительно другими этно-лингвистическими материалами факт скрещенности именно с ионским племенным образованием, следовательно, наличие ионского племенного слова во второй части Mer-yen→«мер-я», *Per-men→«Пер-мь», *Ber-jen→«Бѣже-цк» не в качестве лишь суффиксального придатка, а со смыслом племенного названия.

Все эти города находятся в районе бесспорно тех, казалось бы, ионов, именами которых окрещены и русские в разновидности «ven» (ср. *Per-men) и их с до-исторических эпох неразлучные соседи в разновидностях fin («финн» *ϝwen) и шven (свен) || jen (ср. *Ber-jen). Правда, по всем этим примерам с начальным губным возник уже вопрос, не первичны-ли в них звуки v, m, f, в каком случае ионов сменили бы беры, и архетип названия Перми—Per-men явился бы разновидностью *Per-per, т. е. налицо было бы удвоение одного берского названия, но всетаки широкое распространение ионского племени в крае не подлежит никакому сомнению

Это сказалось и на других племенных словах, даже в нарицательном их использовании, так, напр., остяц. yo-gan 'река', где первая основа yo↙ yor—без ионского придатка, однако, наличного здесь, значит, 'реку'+'воду' и она же как племенное название представляет разновидность этнического термина «сал», в скрещении с gan'ом—'сал-ион'.

Из этого, конечно, нет основания еще заключать, что такое этническое скрещение впервые состоялось на севере, в северо-восточной Европе. То же самое мы наблюдаем на юге: достаточно вспомнить, напр., в связи с архетипом Бежецка—*Ber-jen, на Кавказе племенное название ber-ďen 'иберо-ион', у грузин означающее 'греков'), и на при-черноморском юге город Ber-e-zan-e 'Березань', 'бер-ион', та Березань, где раскопки обнаружили остатки до-исторической культуры в соответственных слоях.

Останавливаясь на мери, как массовом населении Костромского края, мы не можем не уделить особого внимания составу и свойствам происхождения названия главного его города «Кострома», термину несомненной до-исторической эпохи.

Если подойти к анализу топонимики Костромского края как к материалу классового производства, т. е. с различением племенного состава строителей городов, их же владетелей, от сельского населения, то главный город Кострома, по устранении окончания представляет и для чувашеведа очень любопытное составное племенное название «Костро». Эта составная основа интересна для чувашеведа прежде всего формально, именно фонетически по огласовке, т. к. она построена выдержанно с оканием или вернее составлена из двух племенных названий, одинаково оформленных гласным «о», т. е. тем оканием, которое составляет одну из особенностей, определяющих природу чувашского языка, собственно природу одного из его коренных слоев, именно основного слоя. По материалу скрещенное племенное название Kostro состоит из двух племенных названий, уже по существу интересных для чувашеведа, именно kos и tro, первично tor, а это названия двух, казалось бы, изначально различных племен, с одной стороны косов (или каспов, хазаров), с другой—торов, оставивших следы своего строительства на Востоке от Каспия и Азербайджана или Atropaten'a, по всей Волге. Собственно kos и tor разновидности одного и того же племенного названия, tor—разновидность сибилянтной ветви, kos—спирантной. Не останавливаясь на значении кос'ов или, что́ то же хазаров, для истории чувашей по связанности их с болгарами, отмечу исключительное значение для чувашей разновидности племенного названия

tor, носители которой, скрестившись с чувашским племенным образованием, отложили в его речи, в чувашской речи, название своего тотемного бога Tor-ə или первично Tor-qun, и к этому же племени tor↔tur восходит господствовавший класс чувашского народа Tor-ğan или Tər-on. Те же торы с косами или хазарами в классово-племенном объединении и являются еще в до-исторические времена, когда на свете не было ни индоевропейцев русских, ни урало-алтайцев финнов, строителями города Костромы, по основной своей части Kos-tor≈Kos-tro не имеющего ничего общего с массовым населением «меря», хотя племенем также яфетическим, также до-историческим.

Однако, tro, в архетипе tor, в этом комплексе, названии города, имеет значение не этнического термина, а нарицательного 'построение', 'город', собственно глагол 'строить' в первую очередь происходит от нарицательного имени 'дом'] ['постройка', каковое значение вытекает из семантической формулы 'небо' ['кров'] || ['защита'] 'дом': это именно tor, resp. tro, первично—tor[1]), resp. *tro по разложении t в ut: st налицо в основе русского глагола «стро-ить» с его разновидностями в других индоевропейских языках. Следовательно, комплекс Kos-tro значит, 'построение косов', resp. 'Кострад', т. е. 'город косов или хазаров'. Потому-то, -ma в названии Kos+tro-ma является излишним придатком, повторяющим значение -tro. Мы должны бы иметь или * Kostro или * kozma. Но и окончание -ma полной уже позднейшей формы Kostroma не финское слово 'вода' или 'река', а до-историческое яфетическое слово, имеющее значение 'воды+реки', но имеющее также значение 'построения', 'поселения', 'села' и 'города', и, что главное,-ma есть усеченный пережиток целого слова mar, одновременно племенного названия массового населения Костромского края в до-исторические еще эпохи.

Таким образом, своим хотя и последним придатком -ma, Кострома нас возвращает к вопросу о мери.

---

[1]) Вид интересный для разъяснения армянского названия кавказского прохода Tora-pahak, где tor, конечно, племенное название, отложившееся с дессибиляцией на Кавказе и в названии Азербайджана, именно в его разновидностях армянской (A-tər-pat-akan ↙ -tur-, resp. -tor-) и греческой A-tro-pat-en-e, в последней с той же перестановкой как в составе Kos-tro-ma.

Наш формальный подход к термину, в частности к топонимическому термину меря, не индивидуальный, требующий его изоляции, а комплексный, находящий проверку не в одном лишь кругу топонимических слов, а в свойствах и материалах окружающих интересующий нас район живых языков, независимо от школьно принятой их классификации родства или неродства, эту надежную поверку мы имеем в их бесспорных конструктивных элементах и нормах.

Термин mer-ya, естественно, связывается с национальным названием черемис. mari. Еще Кастрен указывал, «что название *мери* есть славянское изменение слова *мари*, почему он считал, что меря или состояла из черемис или представляла племя близко родственное с ними» [1]).

Мы не останавливаемся на дальнейшем углублении этой мысли то в ту, то другую сторону, в работах М. Диева[2]), А. С. Уварова[3]), Т. Семенова[4]), С. К. Кузнецова[5]). Работы те теперь способны представить интерес лишь материальными данными.

С первичной зачаточной формулировкой Кастрена можно бы, пожалуй, согласиться, если бы «славянский» понималось палеонтологически, т. е. как скифский, вернее—кимерский, или, если бы славянский, этот общий и, постольку в приложении к древности надуманный термин заменить просто «русским-этрусским», отнюдь не менее древним и в Восточной Европе, чем «кимерский-славянский». Между mer-ya и mar-i есть разница и в окончании, требующая особого учета, основы же их представляют две разновидности из цельного трехгласного ряда a || o, resp. u || e, что дает mar || mor ↔ mur || mer, если не касаться закономерного по группе колебания плавного, равно перерождения губного звука «u» (русск. у) по эпохам в соответственно пережиточной диалектической среде.

1) В. Смирнов, ц. с. стр. 3. по Кастрену Reiseb. und Brief. a. d. 1, 1845—49 стр. 16 и 17.

2) Какой народ в древние времена населял Костромскую сторону и что известно об этом народе (ЧОИД, 1865, 4 кн., стр. 167—178).

3) Меряне и их быт по курганным находкам (Т I АС, стр. 633—847).

4) К вопросу о родстве и связи мери с черемисами (Т VII АС, т. II, стр 228—259).

5) Русская историческая география, М, 1910.

То обстоятельство, что mar по черемисски значит 'человек', 'муж' и т. п., ничего по существу не решает и не доказывает, т. к. такое значение в первую голову присуще вообще каждому племенному названию, равно каждой его разновидности, в частности, следовательно, и окающей, но мы имеем теперь возможность проверить природность для до-исторического населения всех этих перегласовок на культовых и классово-сословных терминах всех языков всего волжского района, и в такой связанности существенный интерес представят слова, означающие 'человека' и т. п.

Но пока в вопросе о Костромском и соседящих с ним, Ярославском и Владимирском, краях в связи с населявшими их мерянами важно отметить, что огласовка «е» отнюдь не случайно характеризует именно разновидность русской части: в русском языке до-исторические языки соответственной территории отложились именно слоями экающим и окающим, точно русский язык в этом отношении есть наследник гибрида, если ориентироваться по Кавказу, сванского типа, спирантно (экающ.) -шипящего (окающ.).

Огласовка «е» характеризует и другие племенные названия, отложившиеся в топонимике именно русского района, далеко за пределами Костромского, Ярославского и Владимирского края. Понятно, оно, экание, было унаследовано русской речью от экающего до-исторического языка или от экающего слоя до-исторического языка, т. е. яфетического, так, напр., древнейшее исторически известное название Волги—Rha, отложение этрусского племенного названия в акающей форме —*ra⌜h⌝— сиб. ras, в районе той же русской части пережило в роли названий притока, равно населенных пунктов с эканием в сибилянтном виде в трех разновидностях -реш, les, еш в составе села Rēш-ma (Рѣшма), города Kin-еш-ma, речки P-les (Плес) и не без материальной связи с населением волжского бассейна древний город P-les-kov (впоследствии Ps-kov, что впрочем, нет надобности отожествлять по составу материальных частей с Pleskov) на озере Чудском, говорю «не без материальной связи», в виду не только наличия в реальности ныне соединяющего канала Мариинской системы, а в древние эпохи особого способа перетаскивания суден волоком, но и того топонимического словарного факта, что

река, вливающаяся в Чудское озеро, также называется Волгой, естественно по русскому языку, до-исторически, следовательно, того же района с эканием—«Великая»(vel-ı-k-ый), как и далее отнюдь не случайно Дорпат у русских гласил Дерпт, находя параллель в звуковых соотношениях нарицательных имен нем. Dorf и русск. «деревня» и т. п.

Если перекинемся на юг, мы такую же упорную линию проследим, начав точно из гнезда его в окружении Крыма, страны керкетов-черкесов и кимеров на восток до реки Θer-g'a, при полногласии Терека, вместо, следовательно, Tor-k'a или Θur-q'a.

Здесь я обрываю дальнейшее углубление вопроса о мерянах или мерях, который нас иначе привел бы не только на север к Перми, формально, впрочем, уже разъясненной, но и к средневековому народу того же района, веси или бесам, что нас увлекло бы далеко на юг, на Кавказ, в Крым и далеко на запад, на протяжении от иберов-басков, иберов-кимеров[1]) на востоке до иберов и басков на крайнем западе Европы и далее в Африке—к пунам (Pū-nae ↙ *Pur-na-ı), bus'am (Λı-βυς) и берберам.

Не могу опустить относящуюся сюда часть о названии реки Volga, вообще о племенном названии vol mor bor и т. д.

В разъяснении названия Волги[2]) мы уже проследили в печати это слово от вотской формы val 'лошадь' до грузинского созвучного вполне с чувашским и сохранившего след первичной, казалось бы, значимости, на деле же значимости мифических эпох, значимости космической, рядом с 'лошадью', и 'солнца на конях', 'утренней зари', 'утра' (см. груз, qval-e 'утром'), что отложилось, однако, на восточном звене цепи, объединяющем Волгу с Кавказом, Каспийском море, в его старинном русском названии Хвалынское. Нужно ли говорить, что ǰəval (в архетипе *ǰuval), означавшее в качестве имени, следовательно, 'лошадь' есть двойник западно-европейского слова cabalus, франц. cheval, всплывающего там в средние века из местных народных недр, из таких же глубоких до-исторических недр, как чувашский на Востоке Европы, из

1) Н. МАРР, Приволжские и соседящие с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий, стр. 689.

2) Ц. с., стр. 696 сл.

массово-народных недр романских наций, прилежащих к западному Средиземноморью, и имеющих это слово как общее, через голову классовых национальностей, римлян и греков, с восточными нациями Средиземноморья, семитическими, у которых то же слово означает по условиям места 'верблюда' (евр. gāmāl, ğmāl, арб. ḏamal, ḏemel и др.). В чувашском ḏəval-às в значении 'гонять', равно 'преследовать' представляет глагольное образование от имени, собственно действенное использование имени 'лошадь', что то же, 'реки', космически 'солнца', все одинаково образов движения, бега и гоньбы, точно также как русское 'гнать', 'гонять'—от имени 'конь' или как лат. sequere 'следовать'—от *sequus\/ equus 'лошадь', но и 'река', отсюда и название реки Sequan-ı, ныне Сены, во Франции, как груз. dena у грузин и 'течь', и 'гнать' от don и 'река' (у осетин) и 'лошадь' (у горцев яфетидов).

Основная часть, казалось бы, названия бол-гар, т. е. bul||bur выступает в поле зрения мировой жизни Европы за очень древние эпохи исторические, даже до-исторические, притом выступает, что для нас существенно важно, в экающей форме с начальным придатком -ı или ki—это термины ı-ber и kı-mer, две разновидности одного и того же вида, экающего, спирантной группы [1]).

Начальный придаток ı-↙ kı-~ku- в племенных названиях ı-ber↙ kı-mer~ku-per, как конечный придаток gar←ğar в племенном названии bul-ğar||bul-gar, долго, до последнего времени, рассматривались как служебные словообразовательные части, так наз. функциональные, из них начальные как префиксы (в яфетических языках существуют словообразовательные префиксы), а конечные как суффиксы мн. числа, и это так и воспринималось самими говорящими в позднейшие эпохи, из них с течением времени действительно возникли соответственные служебные части и, между прочим, использование -ğar как окончания мн. числа объяснялось и тем, что оно означало 'дети' ↗'множество'.

1) Есть еще другие разновидности, как то Ku-per, название острова Кипр, Ke-mer название города на южном берегу Черного моря в Лазистане и т. п.

Но постепенно выяснилось, что мнимые придаточно-служебные части как начальные ku-∨ki-↘ı, так конечное -ğar, это пережитки племенных названий, ku-∨kı-↘ı- это спирантизованные разновидности звуковых комплексов в одной группе (шипящей) —sku~skı, в другой —шu, т. е., если брать в целом kı-mer, resp. *sku-mer, это точнейшая по шипящей группе разновидность без перегласовки названия свистящей группы шu-mer; если бы учесть необходимость и перегласовки по шипящей группе, вм. *sku-mer должны иметь *sku-mar‖stu-mar, т. е. выявить ту в целом огласовку u—a шипящей группы для имен действующего лица, какую мы находим в основе племенного названия скифов skw-ϑa←*sku-tan, где sku-, общее со *sku-mer, архетипом термина kı-mer; что же касается второй части, тогда как в названии скифов на лицо ионское племенное название *ϑan→ϑa, в названиях kımer'ов, ı-ber'ов, дериватах *sku-mer'a, как и в их разновидности шu-mer, берское или мерское племенное название, т. е. то племенное название, которое с огласовкой o↔u налично в термине bol-ğar‖ bul-ğar и т. п., где ğar есть архетипный эквивалент слова qaz, основы племенного названия хазар.

Следовательно, не углубляя пока дела далее (а это есть возможность сделать, и уже сделано), мы можем констатировать, что Ku-per (Кипр) ‖ kı-mer или ı-ber, как и bul-ğar или bor-gar являются скрещенными двуплеменными названиями, при чем для первого ряда, т. е. для Ku-per, kı-mer и ʿhʾıber— первичные виды, архетипы, будут skumer, а равно шkumar‖ ϑqumar (в грузинском произношении ϑqumar) и с последовательным оканием до-морфологических эпох—skomor. От первого из архетипов—skumer и второго—шkumar ‖ ϑqumar, а с последовательным оканием до-морфологических эпох и—шkomor ‖ ϑqomor, происходят многочисленные слова, один простой перечень которых у нас с избытком занял бы весь вечер. Я выбираю лишь пять терминов, которых, однако, достаточно, чтобы попутно выявить размах научного значения самих чувашских материалов, широту и глубину значения вопросов, находящих существенную поддержку в чувашских данных. От перечисленных архетипов названий таких и без того древних народов как ı-ber, kı-mer и населения Кипра—ku-per,

именно skumer || ɯkumar или ϑq̇umar || skomor происходят разновидности с закономерной утратой гортанного звука из начальной пары sk ↗ϑq̇ (ɯk ↗ϑq̇), как в русском слове «золото» сравнительно с его предком, национальным племенным названием скифов—skolot. Следовательно, от skumer'a получается шумер или сумер, название известного месопотамского народа с древнейшей в мире письменностью, и от ϑq̇umar'a ↘ɯkumar'a, как увидим—во-первых, ϑuvaɯ ↘ϑəvaɯ, хорошо вам известное племенное название, и, во-вторых, ɯuɓaɯ, основная часть названия вашего главного города, по всем видимостям, одного из древнейших, если не древнейшего в Приволжье. В обеих разновидностях и в ɯuɓaɯ'е и в ϑuvaɯ'е выступает известный чувашский закон замены плавных звуков l || r или свистящим s, resp. ş[1]) или, как в данном случае, шипящим звуком ɯ. От тех же архетипов skumer || skumar и последовательно окающей формы skomor имеются производные термины исключительной важности в истории мировой культуры, термины важнейшие в порядке воздействия другого звукового закона, когда из пары звуков sk теряется свистящий, как в ряде kuper, kɯmer и далее ɯber, получившемся из skumer'a, архетипа *ɯumer'a. Этому закону подверглась и последовательно окающая разновидность skomor, которая, однако, существует и с непочатым сохранением группы sk в производном от нее распространенном по всей Европе интересном термине «скоморох»[2]), что обычно значит 'шут', но на самом деле это те 'шуты-забавники', которые в роли калик-перехожих или странствующих рыцарей творили или хранили такие культурные ценности, как поэзию, это колдовство речи для первобытного человечества и пророчество, и исторические предания о родословии космических явлений, племенных тотемов в представлении первобытного человечества, впоследствии богов и героев, что позднее легло в основу различных религиозных учений. Эти же «скоморохи», уже странствующие рыцари, занимались цехово торговлею или дружинно разбоем, т. е. военными делами. И нашему термину «скоморох» присущи все намеченные мною значе-

---

1) Звук ş в чувашском обычно заменяет яфет. ɯ.

2) В. А. БРИМ, Термин скоморох (ЯС, II), стр. 94—97.

ния, в числе их особенно ярко значение поэта, этого колдуна, чародея речи и учителя общественности, пророка, обращавшегося в шута там, где строй жизни переставал терпеть прямую правду. И вот теперь, может быть, будет более понятно, что от той же самой основы skomor и остальных уже известных нам разновидностей skumer и ʔqumar в порядке воздействия другого закона, именно спирантизации свистящего и его утраты от 1) skomor получилось homor || humor, в чувашском звуковом обличии yomәz || yumәz 'ворожей', 'колдун', собственно, 'пророк', 'поэт', первоначально 'жрец', служитель тотемного божества сумеров или чувашей, и 'предсказатель', 'пророк', 'поэт', от 2) ʔqumar, наличного на Кавказе—qumar, на Кавказе же означающий 'шута' однако не только 'шута-шутника', но и 'шута-юмориста, 3) от skumer, хорошо известного в своем сибилянтном произношении шумер, не только в Месопотамии, но по всей Малой Азии и восточному Средиземноморью, там же в порядке той же закономерной утраты свистящего получен, как уже мною разъяснено, термин равнозначущий чув. yomәz, его двойник γomer [1]), греками сохраненный в значении имени автора знаменитой греческой Илиады, собственно, греками лишь унаследованного до-исторического яфетического эпоса, причем γomer был в то время не личное имя поэта, как это можно было бы думать, а общее название 'странствующих певцов-игроков', часто 'слепцов', и 'шутов', 'сказителей', 'поэтов', 'пророков', 'ворожеев', 'колдунов', yomәz'ов, которые и сохраняли знаменитый эпос, в источнике плод коллективного словотворчества до-исторического человечества[2]). Эпос этот разнесен был еще в до-исторические эпохи по всему миру, пережитки его вскрываются в Восточной Европе не меньше, чем в Западной. В тех же краях, где имя Гомера сохранилось в устах народа как родное, бытующее в значении или 'пророка', 'колдуна', так у чувашей yomәz, или героя, так среди яфетидов Кавказа gumɪr → gmɪr (у грузин по усвоению—gmɪr[3]), или тотемного, т. е. племенного бога, так у

---

[1]) Н. МАРР, К толкованию имени «Гомер» (ДАН, 1924), стр. 5.

[2]) Ц. м.

[3]) Н. МАРР, Ossetica-Japhetica, стр. 2071—2072.

грузин при функциональном придатке ɔ—ğmerɔ 'бог' (←*ğu-mer-ɔ) с архетипом основы, тождественным с именем Гомера—*ğomer и ныне у финских народов yomala, естественно, можно наблюсти в живом быту многие до-исторические черты эпоса или первобытных верований, которые из-за одного сходства вовсе нельзя возводить то к греческому, то к иранскому, то хотя бы к германскому источнику. Такая попытка ничем не отличается от того, как если бы бронзовые топоры или бляшки, вообще предметы материальной культуры родственного типа, иногда одной и той же техники производства, из Сибири, Приволжья, с Кавказа и Пиренеев, мы признали продукциею общественности впоследствии сложившихся в этих странах национальных образований. Разница же слов и вещей лишь та, что идеологическая сторона предметов материальной культуры не так ясна или самоочевидна, как слов, и потому тогда как в вещах формальная сторона, их индивидуальная отделка, и техника до сих пор доминирует в определении предмета и сближения вне генетической связи с общественностью, слова представляют простор, можно выходить за пределы их функциональных и технических оформлений, сравнивая не только как бы топор с топором или пряжку с пряжкой и их конструктивную и декоративную природу, ибо наука о значимости слов дает возможность рассматривать как предметы одного общественно связанного, т. е. родственного порядка 'шута' и 'бога', и 'разбойника' и 'героя', 'знахаря', и 'поэта' и т. д. и т. д. Когда проф. Грен в январьском номере «Зырянского Края» указывает снова на «уже давно отмеченное любопытное явление, что большинство русских, именно великорусских, былин было открыто у населения более финского, чем русского, и специально великорусского» [1]), то, поскольку вопрос ставится о происхождении, финны тут также ни при чем, как и русские. И те, и другие преемствуют на одинаковых правах, получив яфетическое наследие, до-исторический эпос севера, как греки являются в Гомере наследниками яфетидов, воспринявшими от них до-исторический эпос Средиземноморья.

---

[1]) Зырянская мифология. Зыр. Край, 1925, № 1, стр. 32.

Разница лишь в том, что на севере до-история длится дольше, а на севере Восточной Европы, где письменной литературы не возникало до средних веков, до-исторический быт с его языческими верованиями врывается в гущу истории средних веков и частично переживает до наших дней лучше, чем в самых недоступных и отсталых краях Кавказа. И здесь мы имеем удобство проследить, как у новых племенных образований восприняты термины до-исторической культуры от яфетидов также, как их племенные названия. Как рядом с шумерами и шумарами, т. е. шубашами-чувашами появляются кимеры и иберы, сопутствуют им в роли племенных 'поэтов-жрецов', 'пророков', 'колдунов', под названием yomǝz'ов, тех же гомеров, как с болгарами или булгарами появляются, им сопутствуют племенные 'жрецы-поэты', 'пророки', 'колдуны', этот связанный сам им происхождением своих наименований класс лиц, носивших названия по-чувашски или болгарски с оканием —vǝr↙ vor || vol, откуда чув. vǝr- 'колдовать', как и чув. vǝr-ǝ 'вор' и с утратой r при удвоении чув. vǝ-bǝr 'душащий дух', собственно, 'колдун', 'ведьма', и далее его разновидности уже в русском и не только „вор" и „ворог", но и „ворожей", „ворожить", „волхв" и др., по-армянски с аканием—mar-gar с именным исходом -e: mar+gar-e 'пророк'.

III.

Чуваши в поздней древности, именно в средние века, в две их эпохи, более раннюю и позднейшую, намечаются как активные участники не только делом, но и словом, своей родной речью, и как творцы восточно-европейских национальных образований, хазарского и болгарского, следовательно, в те же эпохи приблизительно, когда как бы предваряюще на Кавказе в пределах между Каспийским и Черным морями и Ванским озером на реках Араксе, Куре, в бассейне Каспия, и на Рионе, Чорохе и Энгуре и бассейне Черноморья то там, то сям возникают в христианскую эпоху государственные образования также яфетических или полу-яфетических народов.

Попутно обращаю внимание, что связь волжских национально-государственных образований яфетидов Приволжья с яфетидами Кавказа, повидимому, имеет не только

далекие до-исторические корни, но и более близкие исторические побеги тех корней. Сейчас не касаемся сближений по браку, появлению хазарской княжны в роли супруги абхазского царя. На Кавказе в стране с древними письменностями на местных языках об этом свидетельствует грузинская историография, память которой начинается, если исключить мифические этимологии мифических родоначальников народов Кавказа, с нашествия хазарского племени как факта глубокой древности, до появления Александра Македонского, с тем же настроением свидетельствует армянский историк Моисей Хоренский, сообщающий об иммиграции болгарского племени в Армению до Р. Хр. и заселении ею не одной обширной области. Факт же тот, что некоторые княжеские роды Армении носят бесспорно племенные названия болгар, о чем ничего не говорит Моисей Хоренский, но что вскрыто палеонтологическим анализом самих родовых армянских фамилий (Mal+qaz-un+ı, A+mat-un+ı ← *Har-mat-un-ı). В Приволжье, стране не древнеписьменной, о той же культурно-исторической связи вопиют камни, именно камни в обработке суздальского зодчества с их поразительно своеобразной орнаментациею, без всякой генетической связи с остальной Русью, вообще с западом, но имеющей изумительно сродные двойники на Кавказе.

И там в кавказском мире, и здесь в волжском мире новые мировые государства, вооруженные церковной организациею иранского маздеизма, христианства и ислама, одинаково укорачивают дни этих последних, в старой империалистической обстановке, яфетических по племенному составу государств, с одной разницей. На Кавказе яфетические племенные образования вырывают из рук своих противников союзницу церковь, именно христианскую, и пользуются ее идеологиею для своих также, конечно, империалистических целей, обращая ее в орудие борьбы и против маздаянских и против мусульманских угнетателей. В волжском мире, здесь христианская и исламская церковь—это идеологическое орудие самозащиты и борьбы, переходит целиком в руки новых государственных образований, русского и турецкого классово-племенного состава, национализуется ими. Этим путем не только сокрушают они молодые яфетические государственные образования, но поглощают их и этнически,

пользуясь религиею в особо сильной степени в ассимиляторских целях, естественно и здесь в порядке классового подхода, вбирая в себя в первую голову верхние общественные слои, руководящие и господствующие классы, которые везде, и на Кавказе, легче ассоциировались с господствующими классами новых установившихся могущественных государственных образований, классово национальных.

Нововозникшие религии, маздеизм, христианство и ислам, в первом порыве своего прозелитизма невольно становились орудием империалистической политики господствующих классов. руководивших судьбами государств и через государственную организацию и народов. Все религиозные, организации, становясь аппаратом государственной власти естественно, направляли свои удары в первую очередь против местных верований, языческих, даже своих; тем более они относились враждебно, когда такие народные организации оказывались в чужом неприятельском стане, естественно, служа его идеологической крепостью. Ведь это те эпохи общественной темноты или определенной степени развития общественности, когда нации вне религии, вне определенной религии, не мыслились: как татарин означал мусульманина, русский—христианина, так одно время чуваш—язычника. И когда, наоборот, говоря „мусульманин“, подразумевали лишь татарскую нацию и, называя христианина, имели в виду именно русских, тогда в том же порядке ‘ворожеями’ или ‘волхвами’ именовали чуваш как языческий народ, с той разницей, что чувашское наименование ворожея-волхва yomәz не есть религиозный термин по имени основателя учения ‘Христа’ как „христианин“, или по его теоретическому положению („ислам“) как „мусульманин“, а племенное название, т. к. жрецы носили название бога, которому они служили, и т. к. у чувашей был тотемный бог, и потому его название совпадало с племенным названием, то и yomәz есть племенное название: это разновидность известного племенного названия шомог || шumer || шumar, другой разновидностью которого является с одной стороны *шu-vaш, т. е. нынешнее национальное название чувашей ӑәvaш, с другой—по устному преданию дошедшее до нас наименование чувашских жрецов—yomәz, оба термина—лишь диалектические разновидности одного и того же племенного названия. Потому,

когда из отрывочного русского летописного известия мы узнаем о походе Ярослава на Суздаль в 1024 г., представленном в летописи как борьба с местными волхвами, то брать ли русский термин «волхв» или местный его двойник yoməz, они одинаково нас вводят в круг ближайше интересующих нас сейчас народов, болгар и чувашей. Прежде всего это известие сообщается в порядке повествования о волжско-камских болгарах, „серебряных болгарах“: прилагательное „серебряный“, раньше вызывавшее недоумение, ныне является вполне уточняющим указание определением. Дело в том, что русское слово 'серебро', как уже разъяснено, представляет подлинное составное племенное название, сал-берское, т. е. то же, что на юге общеизвестное племенное название „сармат“, в волжско-камском районе — 'черемис' или ṣarməs, т. е. выходит так, что 'серебряные болгары', когда речь идет о севере, это болгары 'черемисские' или также 'чувашские', т. к. чуваш или ϑ̣ə-vaш, двойник шumer'a, представвляет как термин лишь разновидность sar-mat'a или ϑ̣ar-maṣ'a с оканием первого племенного названия - ϑ̣ur↘шur, утратившего исходный плавный звук: ϑ̣u↖шu.

Полностью с сохранением исходного плавного сохранилась и окающая разновидность * ϑ̣ur↘шur-ə, как и акающая sar, но в значении 'белого', поскольку 'белизна' и 'серебро' обозначаются одним и тем же словом: sar 'белый' мы встретим в народной этимологии названия sar-kel 'белая вежа', а sur, его окающий двойник, значит тоже самое у басков, это одно с чув. шur-ə 'белый' слово.

Речь, следовательно, идет о борьбе с «волхвами,» т. е болгарами, и yoməz'ами, т. е. шумерами или чувашами, яфетидами, и сродными им черемисами.

В этом освещении приходится подходить к волхвам-кудесникам, как представителям особых племенных образований с своими языческими верованиями. В одном сказании по Ростовской области волхвы так и названы смердами, кстати, социальным термином также племенного происхождения, также яфетическим[1]), они же там излагают вероучение своего народа о боге, создателе души, и диаволе, творце человека, но они же чинители военных наездов, как это

[1]) Н. МАРР, Об яфетической теории (НВ,V), стр. 324 слл.

читается под 1071 г. в Лаврентьевской Летописи: „Бывши бо единою скудости в Ростовьстѣй области, въстаста два волъхва от Ярославля, глаголюща:“ яко вѣ свѣвѣ, кто обилье делжить“; и поидоста по Волзѣ, кдѣ приидуча в погостъ, туже нарекаста лучьшиѣ жены, глаголюща, яко си жито держить, а си медъ, а си рыбы, а си скору. И привожаху к нима сестры своя, матере и жены своя; она же в мечтѣ прорѣзавша за плечемь, вынимаста любо жито, любо рыбу, и убивашета многы жены, имѣнье ихъ отъимашета собѣ. И придоста на Бѣлоозеро; и бѣ у нею людий инѣхъ 300. Все же время приключися прити от Святослава дань емлющю Яневи, сыну Вышатину; повѣдаша ему Бѣлозерци, яко два кудесника избила уже многы жены по Волъзѣ и по Шекснѣ, и пришла еста сѣмо. Янъ же испытавъ, чья еста смерда, и увѣдѣвъ, яко своего князя, пославъ к нимъ, иже около ею суть, рече имъ: „выдайте волхва та сѣмо, яко смерда еста моего князя“. Но этим северным яфетидам пришлось не только сдать тогда врагам-христианам, русским, свою народно-религиозную позицию, но и передать им же дело письменного закрепления сказаний и легенд своего родного народно-религиозного цикла и в связи с этим и народного эпоса. На Кавказе такой же разгром народной яфетической религиозной культуры маздаяснами-иранцами еще в V-м веке ратоборцы христианской церкви использовали уже позднее для назидательного сочинения о христианнейших доблестях Армении, тогда еще массово языческой, причем божество утренней зари, солнышко, предмет эпических сказаний яфетического населения, Вардан Красный, был обращен в христианского героя, также как языческий яфетический бог Карапет-ǧerbeə, двойник чувашско-черемисского Керемета, был превращен в христианского святого Иоанна Крестителя Карапета. Там, на Кавказе, прежде всего в Армении, вступив на путь национализации христианства, прежняя организация родной яфетической религии, сильное жреческое сословие, сословие „маргареев“, т. е. также ворожеев или волхвов, сосредоточило в своих руках власть в лице главы христианской церкви, католикоса, то оспаривая ее у царей и князей, то деля ее с нею, и опираясь на цеховый союз уже христианских учителей народа „вардапетов“, открыла для сохранения связи с народом путь в быт

и учение своей новой религии, христианской, до-христианским народным представлениям, народным празднествам и святыням, построив христианские церкви на местах прежних культов, где раньше поклонялись рыбам-драконам, божествам воды, и другим космическим силам, светилам, открыла одновременно путь к эпическим героям, а по полной национализации христианской литературы в национальном духе воспитанные руководящие классы, феодалы, принудили христианскую интеллигенцию внести в нее народный языческий эпос. Естественно, там на Кавказе, в Армении христианская религия и как вероучение выработалась особая, церквами империалистических государств признанная еретической, на самом деле феодально-национальная и лишь в этой мере народная. Там, на Кавказе, потому в самой родной письменности, армянской, отчасти и грузинской сохранились некоторые древне-книжные сведения о до-христианской родной культуре страны, о родном древнем народном армянском и грузинском эпосе. Здесь, в волжско-камском мире, вообще на севере, местные верования и эпические сказания, искони родные для первоначального населения края, чувашей, и кровно родственных тогда с ними, еще не финнизованных и не славянизованных народов—яфетидов, северных сарматов и русов, могла сохранить лишь письменность народа, и религиозно, и классово-национально враждебного им,—народа христианского и индоевропейского—русского, который и использовал их для построения своей начальной легендарной истории. Без местных чувашских и сродных с ними по до-историческому в крае яфетидизму народных материалов не понять ни сказания о призвании варягов, ни племенного состава героев русского эпоса. Сказание о Рюрике, Труворе и Синеусе, историзовалось в те поздние эпохи, когда в реальности истекала или протекала жизнь исторических народов—хазар и болгар, для нас ставших легендарными, полумифическими существами. Для науки по сей день легендарны и мифичны и чуваши, несомненно народность одного круга с хазарской и болгарской, с последней из которых чуваши имеют непосредственные связи и исторические, и этнические в такой мере, что вопрос об их отожествлении может действительно быть поставлен совершенно всерьез научно. Однако с этим булга-

ризмом нельзя связывать той высокой культуры чувашей, которая доказывается-де фактом предполагаемого заимствования зырянским (коми) и вотским (уд-мурт) языками чувашских слов из области таких кругов общественной жизни, какие находили отражение в речи яфетидов за много веков до появления болгар, более того—за много веков, за много тысячелетий до появления индоевропейцев. Достаточно указать, что к заимствованиям из чувашского относят термины религиозного и мифического мира, равно названия животных и растений, на самом деле даже названия металлов доиндоевропейские, и большинство мнимых заимствований из чувашского в зырянский и вотский это наследие общей яфетической основы во всех названных языках, да и многих других.

Во всяком случае факт бесспорный, что тогда как хазары или хазы[1]) известны в мировом масштабе, т. е. исторически, под племенным названием в акающей разновидности, булгары по основной или первой части своего названия bul || bur или, что то же, bol || bor являются представителями окающей группы, а по огласовке полного своего состава bolğar || bulğar, как национальное название — ǯəvaш (←ǯuvaш) представляют скрещенное сведение окания с аканием, характеризующее природу морфологических эпох, грамматическую категорию имен действующего лица (nomina actoris) в определенном кругу яфетических языков, именно в шипящей группе сибилянтной ветви, т. е. в мегрельском и чанском. Огласовка та же, что в нарицательном имени (некогда также племенном названии) stumar 'гость', сохранившемся в качестве чужого усвоения в грузинском языке, языке свистящей группы, где вместо акания второй огласовки ожидалось бы экание, *stumer, что имеем в его разновидности, племенном названии šumer.

В обоих, первоначально одинаково скрещенных, одинаково племенных названиях stumar || šumer[2]) вторая часть mar || mer лишь разновидность основы bur || bul, наличной

---

[1]) Последний слог -ar окончание мн. числа, также имеющее, конечно, свою племенную до-историю, с учетом утраты губного v (см. ниже стр. 62).

[2]) См. выше, стр. 49.

в термине burgar || bulgar. С этим окающим bor || bur или bol || bul мы получаем полноту круга яфетической перегласовки акающей (mar), окающей (mor || mur, откуда ↗bor || bur и т. п.) и экающей (mer↗ber).

Беря же полностью bulğar, qazar, sarmat, mumer и другие составные племенные названия, в отношении их огласовки в целом мы оказываемся во владении ряда обязательных заключений в зависимости от того, подходим ли к материалу с точки зрения позднейших эпох, морфологической, именно самой поздней флективной (с одними суффиксами, раньше с образованием форм перегласовкой и префиксами рядом с суффиксами), еще раньше агглутинативной и древнейшей—синтетической или архаичной до-морфологической, при наличии лишь племенной огласовки.

Племенная огласовка это та, которая вытекает из закономерных звукосоответствий (корреспонденций) различных групп одной и той же речи или различных языков одной и той же группы. Рядом с племенной огласовкой к до-морфологической эпохе, как будто, можно бы относить и семантическую перегласовку. Но огласовка семантическая, т. е. по значимости слов, это часть той же морфологии, хотя морфологии идеологической, отражающей не социальный строй, как грамматика, а общественное мировоззрение. Такова, напр., перегласовка o || u в словах «стол» и «стул», разновидностях одного и того же культового термина, первоначально 'алтаря' (← 'неба'), одновременно и 'стола' и 'стула', 'трона'. Кстати, сами ныне одинаково русские слова stol || stul[1]) —яфетические переживания, на яфетической почве восходящие, с разложением аффриката на st, к архетипу *ṭor→ḍor →ɔor, resp. ɔor, откуда с ионским оформлением (ko ↘ o ←kon↘on): груз. ḍor-ko 'скамья', армянск. a-ɔoṛ (род. a-ɔoṛ+o-y) и др.

Так как, однако, 'трон', 'алтарь' семантически деривaты 'неба', resp. 'бога', теперь понятно, что основа армянского названия этого хозяйственного предмета ɔor представляет основу чув. слова ɔor-ə || ɔur-ə 'бог', а русские термины stol || stul, уже дифференцированные по значению

[1]) «Стул» считается заимствованием из германского.

(с оканием—одно, с уканием другое), являются ничем иным, как диалектическими разновидностями чувашского слова ɔor-ə || ɔur-ə 'бог', по примитиву салским или талским племенным словом окающей, resp. шипящей группы (ср. груз. ɖor-ko[1]).

Так из группы bulğar, ɟazar, ɔɟumar, шumer с точки зрения агглутинативно-флективной эпохи ɟaz-ar и bul-ğar представляют основы ɟaz-, bul-, с окончанием мн числа, -ar в первом случае— ɟaz-ar, -ğar во втором—bul-ğar. Можно бы увлечься (без такого увлеченья дело не обходилось), и в ɔɟumar, шumer усмотреть окончание мн. числа - ar || -er и остаток ɔɟum-, шum-признать за чистые основы, между тем, если в них определять форму, то она имеет оправдание с точки зрения огласовочно-флективной эпохи, налицо форма имени действующего лица, образуемая внутренней огласовкой o(↔u)—e || a, так ɔɟumar, на самом деле во всех случаях мы имеем составные слова, из до-флективных эпох, из эпох синтетических, когда два слова слагались, каждое с присущей ему племенной огласовкой —шu-mer, ɔɟu-mar, bul-ğar, ɟaz-ar, причем порядок расположения слов в каждом отдельном случае мог быть, да и бывал, обратный, совершенно так же, как в нарицательном имени 'сере-бро' русский, равно греческий (ἄρ-γυρ-ον), латинский (ar-gent-um) и др. на первом месте имеют салское (ser + e-, ar-), на втором берское (гверское) племенное слово (-бро, - γυρ-, -gent-), а грузинский, мегрельский и др. на первом месте ставят берское племенное слово (ve⌜r⌝-, var-, последнее в армянском с потерею губного v-ar). При таком палеонтологическом подходе до-флективных эпох, эпох одной примитивной племенной огласовки, наши термины блестяще выдерживают экзамен, за время многих десятков тысяч лет отмершим оказывается в худшем случае один исходный или начальный согласный звук, так ɔɟu-mar вм. *ɔɟur-mar, шu-mer вместо *шur-mer; в термине ɟaz-ar второе племенное слово -ar оказывается не салским племенным словом har, а как в армянском названии 'серебра' вместо var, т. е. берским племенным названием.

[1]) Н. МАРР, Из переживаний до-исторического населения Европы в русской речи и топонимике, стр. 5—6.

Итак, bol-ğar || borgar, это гибридное двуплеменное название имеет ряд двойников, пока выделяю два из них, один средневековый, другой древний.

1) Оставаясь без изменения в первой своей части bul- || bur- или bol- || bor-, оно вторую часть -ğar, архетип первой части или, как воспринималось позднее, основы названия хаз-ар —ḳaz-, разновидности все спирантной ветви, заменяет одним из ее сибилянтных эквивалентов —sar ↗tar || tas, именно tas, что в скрещении с bur в свое время дало Bur-tas, название средневекового народа также из одного круга с хазарами и чувашами, материально представляющее лишь фонетическую разновидность термина bul-ğar.

2) Тот же bor- с перегласовкой не в экание, как в ki-mer, i-ber, а в акание (mar), притом с перебоем плавного r в зубной t—mat, сочетается с обычным сибилянтным видом второй части — sar в обратном порядке, и получается известное в более ранние эпохи племенное название sar-mat, в архетипе *sal-mar.

Тот же порядок, сначала салское племенное название, потом берское, мы имеем и в спирантной разновидности ḳaz-ar, в архетипе *ḳaz-var. Таким образом, если мы возьмем с одной стороны bul-ğar, bur-tas, с другой —sar-mat, ḳas-[v]ar, то это номенклатурно скрещенные виды одних и тех же племенных названий, салского и берского, но в различной последовательности, в одних случаях 'сал-бер', в других 'бер-сал'. Скрещение сал-берское имеем и в ʒḳu-mar'e шumer'e, равно stu-mar'e, следовательно, и в национальном названии чувашей —шuваш ↗ʒu-vaш ↘ʒə-vaш, которое представляет фонетическую разновидность шumer'a || stumar'a с соблюдением звуковых законов чувашской речи. Следовательно, bul-ğar и ʒu-vaш не только имеют в целом огласовку одной и той же категории (u—a), но составлены из фонетических разновидностей одних и тех же племенных названий, сала и бера, лишь расположенных в различной последовательности, bul-ğar в порядке бер-сала, а ʒə-vaш в порядке сал-бера, как sar-mat, ḳor-vat и как ḳaz-ar (←*ḳaz-var).

Однако, тогда как хазары известны в акающей разновидности своего названия, булгары в основной части своего названия выявляют то окание, в средние века (булгары, болгары, буртасы), то акание в более древнюю эпоху (sarmat), то экание, в древнейшую эпоху (ku-per, kı-mer, ↘ı-ber и т. п.)

Между тем, мы теперь уже знаем, что диапазон звуковых колебаний чувашского языка настолько емок, строй основных звуковых его норм настолько сложен, что он, чувашский язык, обнимает и акание, и окание, и экание. Держась пока как бы главной линии наследования исторических народов одного другому в Восточной Европе, восходя по ней от современных русских, финнов и турок через хазар и болгар к сарматам и родственным им скифам или сколотам и архаичным кимерам, мы подходим к уже древним народам с названиями, при всей разновидности их корней, составляющими согласованную группу по огласовке, а именно ряда акающего (сармат), окающего (сколот или скиф, по-гречески skw-ϑa) и экающего (ки-мер). Мы лишь намечаем магистраль или, правильнее сказать, фарватер того течения, которое несло от до-исторических эпох в числе прочих яфетидизмов и скрещенность экания с оканием, наблюдаемую еще в болгарах+иберах, собственно, выступающую так ярко в живом чувашском языке, еще в архаичные времна, в разновидностях одного и того же племенного названия по спирантной группе kımer↙ ku-per, по сибилянтной sku-mer или mu-mer, закономерную разновидность которого ϑəvam по сей день носит живой народ, ныне не начинающий самоопределяться, а лишь восстанавливающий вместе с родной краевой хозяйственностью давнишнее свое национальное самоопределение. Национальное самоопределение им, чувашским народом, в целом отнюдь не утрачивалось, но оно, конечно, дошло до последней степени истощения в процессе империалистического наростания иных национальных образований, прежде всего турецкого и русского. О силе, устойчивости и высоте древнего культурного уровня чувашского национального самоопределения можно судить уже по одному факту длительного сохранения чувашами родной языческой религии и ее хозяйственно-общественного бытования, если не

судить с точки зрения западно-европейской колониальной идеологии, или, если не освещать вопроса, что еще хуже, с миссионерской точки зрения христианской и мусульманской церквей, одинаково становившихся в крае могущественным орудием в захватных руках новых национальных образований,—орудием для ускорения окончательного национального вырождения чувашей. Не будь высоты древнего культурного уровня чувашей-язычников, мы не могли бы быть теперь свидетелями вскрываемого яфетическим языкознанием изумительного факта,—факта наличия подлинных чувашизмов, не говоря о турецком, даже в русской речи в ошеломляющем количестве. Притом эти чувашизмы не только из до-исторических усвоений, происходивших в путях этнографического воздействия тогда, когда зарождалось и развивалось русское племя, но и из терминов, требующих учета исторической культуры чувашей значительной высоты, к моменту, когда слагалась русская государственность.

Но вот вопрос уже не отвлеченно-словарный, а жизненно-общественный, вопрос о сродстве чувашей с конкретными историческими болгарами ставится серьезно, как проблема для положительного разрешения, имея в виду и поддержку науки об языке. Что же говорит в этом отношении наш анализ самого племенного названия «чуваш»? Поскольку речь идет о тожестве чувашей по племенному названию с месопотамскими шумерами, кавказскими цхумарами, крымскими или при-понтийскими кимерами, средиземноморскими kuper'ами, населением острова Кипра, равно иберами и на Кавказе и в Западной Европе, это касается до-истории и не имеет непосредственного значения для вопроса о взаимоотношениях чувашей и исторических болгар. Эти бесспорные связи крайне важны для вопроса о происхождении чувашей, но для проблемы об исторической роли чувашей не имеют значения, несмотря на то, что отожествление названия чувашей с названиями народов перечисленных стран поддерживается ближайшим с чувашским языком родством яфетических языков или их пережитками в соответственных странах.

Когда перед нами конкретный исторический вопрос о близости реальных болгар камских или волжских к чувашам, то, по этой же причине, к его решению нас нисколько не пододвигает нахождение объяснений в чувашском языке для

до-славянских элементов в языке уже ославянившихся болгар на Балканах, особенно поскольку эти объяснения касаются вообще словаря, а не терминов исторической общественности, выявляющих определенную классовую природу, одну и ту же у чувашей и болгар.

Вообще языковый анализ нам может сказать нечто весьма решительное и определенное, если к вопросу подойти с учетом сложности предмета, поскольку речь идет о племенном составе национальной общественности, культурно-исторической, следовательно, национальной государственности, хотя и средневековой. Прежде всего мы знаем ряд культурно-исторических строительств яфетических народов, когда в историческом поле зрения строитель народ известен исключительно под одним названием, а сам себя он именует никому неизвестным названием. Так халдский народ строитель на Ванском озере называли и продолжают называть урартами, а он сам себя звал лишь халдом; там же, да и в долине Аракса, позднейший исторически народ-строитель называли и продолжают по сей день называть армянами, а он сам себя называет хай'ем; народ-строитель грузинской общественности, государства и культуры все называли в древности иберами, потом со средних веков перешли на именование у арабов гурджами, на западе георгианами, у русских грузинами, сам же себя и в древности и ныне никогда ни одним из этих названий не именовал, а именовал и именует себя qarʒvel'ами. Следовательно, если бы термин «чуваш» (ʒəvaш) не имел ничего общего с термином «болгар», то это не представило бы ничего необыкновенного, и в том случае, когда исторически было бы совершенно ясно и бесспорно, что болгарская общественность, средневековая болгарская культура, болгарское царство на Волге было делом рук чувашского народа.

Кстати, не могло бы тут иметь никакого значения и то возражение известнейших специалистов, что как же в таком случае мириться с нынешнею культурною отсталостью чувашского народа и даже с наличием в нем не господствовавшей у средневекового болгарского государства мусульманской религии, а пережитков язычества. Во-первых, современная общая национальная отсталость чувашей, в первую

голову экономическая, и в связи с нею, понятно, и культурная, есть в значительной мере плод системы правления двух империалистических общественностей и культур, ближайше русской, а раньше еще татарской. Затем с другим объяснением той же отсталости широких масс народа является бесспорно классовый строй болгарского государства. В болгарском государстве, с успехами в нем ислама, мусульманами являлись, понятно, лишь правящие круги, и чувашская знать по всей видимости сделала в смысле исламизации своей родной чувашской классовой общественности достаточно, если чувашей соседи их черемисы до сих пор называют татарами, т. е. мусульманами.

С этим мы одновременно подходим к самой научной правильности постановки вопроса о роли чувашей в созидании и развитии болгарской национальной общественности на Волге, и по связи с ним к выяснению, во-первых, вообще племенного состава населения болгарского государства неизбежно с классовым и к этому предмету подходом, и, во-вторых, преемственной связи этого несомненного местного культурного болгарского национального образования, определенного восточно-европейского образования из хазаро-болгаро-русского племенного круга, с также несомненно местным из того же племенного круга национально - культурным образованием, более древним, хазарским.

Классовый подход требуется и здесь. Нами уже указано, что организующий социальный слой сосредоточивался в городах, что в древности города заняты были, как организующие центры, населением особого племенного состава. Народ-строитель городов это господствующий или руководящий класс, руководящее племенное образование, и оно отнюдь не примитивно-племенной однородной природы. Но руководящий племенной слой все таки налагает свою печать на центр общего строительства, отлагая в его наименовании свое племенное название. И с этой стороны представляет существенный интерес для правильного подхода к роли чувашей в болгарском государстве их несомненное участие в строительстве хазарского национального объединения.

При вопросе о племенном происхождении хазар у всех в первую очередь возникали думы о названии столицы хазарского царства Саркел, всем он становился поперек

дороги, даже когда словарно его благополучно или почти благополучно разрешали. Все так или иначе считались, конечно, с летописным разъяснением, что sarkel значит 'белая вежа', 'белый дом'. Ученые или исходили из этого толкования, как реальности, или вовсе его отвергали. Никому не приходило в голову, что это толкование может явиться плодом народной этимологии, т. е. попыткой осмыслить по данным языков окружающих народов, не исключая и самих хазар, непонятное чуждое наименованне. Конечно, и это бытовое толкование не лишено важности. Sar, действительно, мог значить 'белый' и kel 'дом', между прочим, на чувашском языке kel 'дом' мог бы быть лишь диалектической разновидностью теперь общепринятого чувашского слова kıl 'дом'. В самом чувашском как с „o" чередуется „u", так с „e" чередуется „ı", что также пережило у чувашей в ряде случаев до сегодняшнего дня. Что касается sar, то чув. созвучное sar-ə ныне означает 'желтый' также, как тур. sarə, а 'белый' по-чувашски шurə. Но мы теперь знаем, что шurə есть лишь эквивалент слова sar, как шur-mer или *шur-mar, разновидность sar-mat'a. Замена свистящего s шипящим ш отнюдь не связана с тем или иным цветом в такой мере, чтобы слово производить от другого корня, чтобы звуки разлучать с белизной. Надо знать, что чув. шurə 'белый' налично в баскском, западно-европейском яфетическом языке в Пиренеях, именно с свистящим s, в виде прилаг. surı, означающего также 'белый'. Что же касается перегласовки, то и акание само по себе не представляет ничего исключающего белый цвет: в самом чувашском рядом с шurə 'белый', в выражении шар -шurə 'весьма белый' существует шar в шар-шar 'весьма белый', и для акающей формы s более первичная разновидность, т. е. sar в значении 'белого', как kel в значении 'дома в наименовании хазарской столицы Sar-kel 'белый дом' это, мы могли бы сказать, чувашские слова или в определенной чувашской диалектической форме или в архаичной разновидности, естественно для эпохи хазарского господства. Но мы вовсе не думаем доказывать, что хазары как племя тоже чуваши. Да и когда интересуемся племенным происхождением хазар, строителей Саркела и всего края, то и здесь мы не можем подходить к вопросу примитивно как бы с мерилом одной соматической антропологии, мы не можем не ставить вопроса

племенном составе хазарского государства. Данный нами анализ летописного толкования Саркела выясняет, что даже бытовое народное объяснение упирается в материалы и чувашские, т. е. здесь среда была еще массово яфетическая, в частности и чувашская, как и хазарская. Хочу сказать, что яфетические народы севера на Волге строили свое культурное дело также, как на юге за Кавказом, располагая несомненно одинаково уже общими культурными данными для такого строительства, что́ не могло бы не отразиться и в речи. И в самом деле основные термины городской и торговой жизни у северных яфетидов оказываются общими с южными яфетидами. Торговый термин на севере обратившийся в «кабак», происхождение которого, до сих пор неизвестное, правда, возводят к турецкому, но на юге у армян и грузин оно сохранилось в полной форме арм. kərpak, груз. qulbaq со значением 'торгового помещения', 'магазина', 'лавки'. И армянск. и особенно груз. qulbaq представляют полную форму чув. q̇ubaq̇, причем и у кавказских и у приволжских яфетидов мы находим соответственные многочисленные значения составных частей этого слова от специального использования каждого из них в значении маленького помещения, так первая часть в грузинском виде q̇ul-a значит 'амбар', до использования его же в широком смысле 'торгового места', 'торжища', 'города', так в чув. q̇ul-a 'город' (сюда и черем. ol-a ~ морд. ош 'город', равно черем. or 'крепость').

Точно также до сих пор тщетно искали подлинное происхождение русского слова 'товар' и чув. mul 'имущество' богатство', 'деньги', также 'товар'. Напрасно старались произвести товар из турецкого, а mul из арабского. Оба они чистые яфетические племенные слова и как таковые значат тотемно 'тот или другой вид скота', отсюда и 'богатство', 'имущество', 'деньги', что прослеживается на всем протяжении расселения яфетических племен, напр., для mul в разнообразных его формах (ṗul || ṗar-a и др.). Это племенное слово именно булгар, а tovar племенное слово ǯovam'ей или skumar'ов. Мы уже видели, что на Кавказе как племенное название оно звучало[1]) ǯq̇omar, resp *ǯq̇omar, и вот *ǯq̇omar ||

[1]) Аффрикат свистящего ряда ǯ вместо шипящего ǯ вклад свистящей группы (грузинского языка), следовательно, в этом смысле первоначально ǯq̇ovar, к которому, между прочим, казалось бы восходит

ǰqovar там значит у грузин 'овцу', вообще 'животное', 'рогатый скот', там же у грузин другая форма stumar означает 'гостя', т. е. иностранного 'купца', потому производный от него глагол значит не только 'угостить', но и 'уплатить'. Stumar восходит к *ṭumar→*ǰumar, т. е. к архетипу не только термина ǰuvaш, но и русского ǰuma-k (←*ǰumar-k), первично 'купец'.

В связи с этим находится использование этого слова племени, очевидно, выявлявшего себя как международный торговец, в значении и 'гостя' и специально 'торгового имущества', 'товара', как мы находим его уже в русском в форме tovar || tavar, сохраняющего у яфетидов на Кавказе, не только у турок, и чисто первобытное тотемное значение 'скота', как у армян 'крупного рогатого скота'. Всетаки факт, что именно племенное чув. слово tovar (|| ǰovaш) означало повсеместно или 'купца', 'торговца', или 'товар', тогда как булгарское племенное слово (mul) означало 'деньги', хотя бы и местами, и нам не хватает лишь термина для 'торгового помещения', 'магазина', 'лавки' или 'торжища', 'города', чтобы получить все элементы определенного производственного труда, 'торговли', но этот термин нами уже разъяснен, на словах арм. kər-pak, груз. qul-baq и чув. qu-bak, на первичной начальной составной его части qul (←q̇ul) || kar, из которых последнее является, сообщу теперь, внедрившимся в такие северные приволжские финские языки, как удмуртский и комийский, хазарским племенным словом, по акающей группе (сюда же и черем. скрещенный термин kar-man 'крепость').

Чувашский язык, воспринявший в отношении норм звукового строя, три типа огласовки, т. е. с оканием и эканием, также и акание, следовательно, три различных племенных огласовки, именно—сармато-хазарское акание, скифо-сколотское окание и шумеро-кимер(|| ибер-)ское экание, вобрал в себя и термины исторической культуры соответственных народов, так kar. Эта основа сама по себе означала 'город', не только у северных яфетидов, но и южных и на Кавказе и за его

выдвижением гласного о армянск. oǰqar 'овца'. на самом деле армянское слово вульгарно произносили voǰqar, что представляет самостоятельное бер-салское скрещение.

пределами далеко на юге и на западе, вплоть до Африки, где южное побережье Средиземноморья первоначально заселено было яфетидами. Отсюда чистая основа kar с окончанием то kar-ǧe, то kar-ϑa до-исторической основы исторически известного города Kar+ϑa-gen'a (у римлян) или Kar+ǧe-don'a (у греков) в Африке, отсюда же на Кавказе qaṛa-q || qala-q, в Месопотамии kar-ǧa 'город', а также 'ограда', и его же мы имеем у чувашей и в производной форме kar-da в значении 'огороженного места', отсюда 'изгороди', 'скотного двора', 'хлева' и в значении просто 'города' в составе названия главного города шubaш'ов, т. е. чувашей—Шubaш-kar.

Очевидно, этот „Шубаш-кар", т. е. город шубашов или суваров,—тот город эпох болгарского владычества, который арабские географы называют Suvār'ом, т. е. чувашом. По Ауфию[1]) „расстояние между городами Bulghār'ом и Suvār'ом достигало двух дней пути". Это вполне может соответствовать, насколько я осведомлен, длительности перехода от местоположения городища Болгар к нашему городу Шубаш-кар. Однако, что для нас представляет особый интерес, арабский географ Муккаддаси сообщает о Bulghār'e и Suvār'e, как о двух частях одного и того же города. По этому источнику[2]) город „Bulghār был расположен на обеих сторонах реки; соборная мечеть находилась у рынка или торговой площади, дома были построены из дерева и тростника; жители Suvār'a обитали в палатках". Третий арабский географ Истахри имеет в виду части одной и той же болгарской столицы, когда он называет[3]) два близлежащих города Bulghar и Suvar, т. е. следовательно, 'Шубаш' или 'Чуваш'. В каждом из них была соборная мечеть. Мужское население обоих городов составляло 10.000 душ. Жители зиму проводили в деревянных домах, лето—в палатках".

Что Suvār, название города,—племенное название, что такое племенное название существовало при болгарах и что под этим названием надо понимать чувашей, как теперь вскрывается яфетическим языкознанием, именно наших кон-

---

[1]) 'Awfī, Djāmi' al-ḥikāyāt, кн. IV, гл. 18, см. Бартольд, Энц. Исл., стр. 822.

[2]) Изд. de Goeje, стр. 361, см. Бартольд, ц. м.

[3]) Стр. 225 см. Бартольд, ц. м.

кретных чувашей с правого берега Волги, это ясно и из письма хазарского кагана Иосифа, где читается[1]): „На этой реке (Итиль) живут многие народы... буртас, булгар, сувар, арису (эрзя), цармис (черемис), венентит, север (или савар), славіун (славяне)". Вестберг, цитуя это место, правильно замечает, что „Сувар или сивар племя и город болгар у арабских писателей... Арису или арса тождественны с мордвою. Насупротив последних на другом берегу Волги жили цармис, т. е. черемисы", но Вестберг не чует, что сувары, живущие на этом берегу, это чуваши, и никто другой, они же народ одной породы с болгарами.

Итак, во-первых, было два чувашских города, один, по всей видимости, наш Шубашкар или Suvār, другой—чувашский город или Suvār с Болгарами, составлявший один общий город Болгарский, т. е. одно национально-государственное строительство при двух племенных группировках, судя по всему, говорящих на двух диалектах одного и того же языка.

Одновременно с этим становится ясным, что города Приволжья именовались по племенным названиям, как вообще у всех яфетических народов, а не по каким-либо признакам строительства, цветным или иным. Так Кострома, мы уже видели, значит город косов или хазов, т. е. хазаров и торов или саров; Казань, по-чувашски ϴoz-an (черем. Oz-an), или ϴuz-an, значит „город (-an) хазаров", а вовсе не 'котел'. И так как при существовании акающего kar 'город' и окающего kor||kur (qul, q̇ul-a) тоже самое должна была означать и форма kel, а основа названия хазар q̇az, она же с сохранением плавного r вместо свистящего z, т. е. q̇ar↘har есть лишь спирантизованная разновидность сибилянтного sar, вошедшего, между прочим, и в состав известного двойного племенного названия sar-mat, то название хазарской столицы Sarkel мы не имеем основания понять иначе, как город саров или har'ов, т. е. хазаров, т. е. sar в Sarkel, также как sar- в Sar+a-tov и его спирантный двойник q̇ar+e в *ϴare-kov (Харьков) не прилагательное, а племенное название, название великих до-исторических строителей городов и весей, т. е. хазаров, еще, следовательно, до появления их в поле зрения истории и ее письменных источников.

---

[1]) Гаркави, Ein Briefwechsel, стр. 86, по Фр. Вестбергу, ЖМНП, Крит. и библ., стр. 19.

Однако, и у хазаров речи не может быть об единичности племенного состава, тем более, что строителем городов являлось скрещенное классово-племенное образование, которое в нашем районе не обходилось без объединения всех яфетических народов, из которого менее всего основания исключать неразрывно связанный с болгарским народом чувашский или шумерский народ, племенное название которого стало выразителем основных элементов городской культуры среди соседящих и дальних народов, вплоть до Кавказа.

Формулировку научных положений доклада предоставляю читателям, если в какой-либо мере я смог быть понятен в основных мыслях.

Я ограничусь лишь одним общим научным положением, как неизбежным выводом из работы, именно тем, чем я начал. Оно следующее: из до-исторического населения Европы, яфетического, создателя начал европейской культуры, в Восточной Европе сохранился один одинешенек чувашский народ, органически связанный и с созиданием средневековой культуры того же района, и этот народ с языком, перебрасывающим мост на север к угро-финнам и на восток к туркам и монголам, должен занять первенствующее место в очередных изысканиях человечества по истории зарождения и эволюции своей культуры и по установлению ее источников, чего нельзя достигнуть без интенсивной работы в Чувашии и сродных по населению прилежащих странах над памятниками материальной культуры, нельзя достигнуть без объединения изысканий по физическим типам, хозяйству, быту, религиозным верованиям, праву, искусству, фольклору или живой старине, речи и, конечно, истории за средние века и новейшие времена не с меньшим напором, чем за металлические и каменные века.

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

Многое изменилось с момента, когда мы формулировали в Чебоксарах различные новые положения, высказанные в настоящей книжке. Изменения касаются не одних дат и других подобных внешних обстоятельств в роде того, что, напр., в первой строке книжки время появления одной из поворотных работ по новому учению указывается словами „почти ровно пять лет тому назад". Слова эти теперь грешат неточностью на целый год. Да многое изменилось не в том направлении, чтобы отказываться от чего либо, а в том, что высказанное можно теперь обосновывать с большим углублением в понимание фактов, с большей полнотой освещения, с большим уточнением мыслей от усиления увязки с историею материальной культуры и с окружением чувашского языка, в том числе и финским миром. Учение об яфетических языках, а на его основании и общее учение об языке человечества, значительно продвинулось вперед за последние месяцы и в разработке своих теоретических взглядов, и намечении новых горизонтов. Кому интересно знать об этапах развития яфетической теории за время со включением и настоящего момента, может обратиться, как за справочной работой, к книжке моей „Классифицированный перечень печатных работ по яфетидологии (Ленинград 1926)", издание Комитета по изучению языков и этнических культур народов Востока СССР (Москва, Берсеневская Набережная, 18), выходящее на днях вторым изданием уже Института этнических и национальных культур народов Востока СССР (там же).

Доклад о чувашах был прочитан в июле прошлого года на основании данных яфетической теории в разработке того момента, и сдан в печать осенью в том же году. При отмеченном темпе развития нового учения яфетидологический доклад, естественно, не может не носить некоторых пережиточных взглядов или не оказаться без устарелой техники в

приемах доказательств, когда он появляется на свет через год. Мы теперь орудуем возведением всей человеческой речи к четырем звуковым элементам, мы теперь дошли до того, чтобы в отвлеченных символах различных категорий, элементах морфологии, суффиксах (окончаниях), префиксах (начальных служебных частях флексии) и т. п., признавать пережитки определенных цельных слов, и соответственно их трактовать, напр., говорить, поскольку дело касается до-исторического состояния речи, не о мн. числе как собственных имен, так и нарицательных, а об их составности из различных племенных элементов или о скрещенности в них тех же самостоятельных некогда слов различных племен. В частности, мы теперь говорим не о шумерском или иберском племенном составе, как о первичном, а выделяем из их скрещенного состава особо первичное или во всяком случае предшествовавшее самостоятельно „берское“ племенное слово (или „берский“ элемент) и т. п.

С другой стороны сейчас, усматривая в названиях городов использование племенных наименований в значении культовых терминов, в слове Kostro-ma не торопились бы разлагать на элементы Kostro, не попытавшись найти культовое значение этой основы, да и в нарицательном kər-pa-k || qul-ba-q || qu-ba+k прежде всего усмотрели бы двухэлементное кимерское или шумерское племенное слово, независимо от пережитка (k→q) ионского племенного слова, уже третьего элемента.

Н. М.

9 июля 1926
Чебоксары.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.

АИМК	Академия Истории Материальной Культуры.
ДАН	Доклады Академии Наук.
ЖМНП	Журнал Министерства Народного Просвещения.
ИАН	Известия Академии Наук.
НВ	Новый Восток.
ОИФ	Отделение Исторических Наук и Филологии.
ТАС	Труды Археологического Съезда.
ЧОИД	Чтения Общества Истории и Древностей.
ЯИ	Яфетический Институт.
ЯС	Яфетический Сборник.

Цена 60 коп.